

Доступная женщина

18+

Мансуров Андрей

Андрей Арсланович Мансуров

Доступная женщина

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69596185

SelfPub; 2023

Аннотация

Мир будущего жесток и не признаёт компромиссов. Потому что это – мир мужчин! Эпохальное изобретение – возможность выращивать людей поточным методом, вне тела матери – сделало ненужным не только институт Брака, но и законодательно запретило женщинам работать. Основная функция существ женского пола теперь сведена к роли «психологического средства для снятия стресса» или банальной сексуальной игрушки. Главный герой, которому рекомендован курс такой «терапии», берёт из Этернотеки, где централизованно содержатся разные типы «живого товара», молодую женщину – на предписанные две недели. Непросто складываются отношения с арендованной женщиной. И, похоже, даже после «сдачи» излишне эмоционального «товара» назад в Этернотеку, «осложнения», угрызения совести, и «разгул страстей» в жизни главного героя не закончатся...

Андрей Мансуров

Доступная женщина

К Этноотеке Михаил подъезжал не без внутреннего трепета.

Ещё бы: крупнейшее здание крупнейшей для их района Организации.

Тридцать тысяч «служащих». (И это – не считая ну *очень* многочисленного обслуживающего персонала!) Три надземных этажа, пять подземных. По фасаду километр, а в глубину – восемнадцать широких и длинных корпусов, разделённых пятидесятиметровыми параллельными колодцами «зелёных зон» со скамейками, фонтанами, пивбарами и кафе-закусочными, позволяющими отдохнуть и отдышаться на лоне природы после придиричьего «обследования» очередного корпуса или Уровня.

Парковка оказалась почти пуста – совсем не так, как будет ближе к вечеру, когда начнётся основной наплыв желающих «освежиться», «снять напряжение трудовых Будней». Или попросту выпендриться перед другими своим статусом. И баблом.

Да, собственно, именно поэтому он и приехал так рано, почти к открытию: не хотел, чтобы... Мешали.

Впрочем, мешали – не совсем верное слово. Скорее, смущали. Он и без свидетелей чувствовал себя достаточно на

взводе – так что чужих заинтересованных, косых или ироничных взглядов ему не нужно!

Он аккуратно припарковал свою старенькую «Шкоду» между чьим-то «Мерседесом-галакси» и громадным, похожим, скорее, на сухопутный дредноут, внедорожником «Тойота-лэндкрузер – 55». Вылез. Огляделся. Если не считать запоздавшего уборщика на автоподметальщике – никого. Он кинул монету в стояночный автомат.

Двинулся к Зданию.

Ощущал он себя... Да, неудобно. Словно голый идёт по пляжу. И не нудистскому.

Пережитки преодолевать трудно: в век всеобщей «сексуальной свободы», (чтобы не сказать – распушенности и вседозволенности) он до сих пор страдал от убеждений, вбитых в него матерью, можно сказать, с пелёнок: в глубине души, кажется, всё ещё верил, что где-то существует чистая, воспетая поэтами прошлого, любовь... Когда двое ощущают, так, словно кристально ясную истину, что созданы лишь друг для друга, и больше ни для кого.

А не так как сейчас. Когда всё сведено к взаимоотношениям «деньги-товар». И то, что товаром выступают... Хм... Услуги по удовлетворению первичных инстинктов и потребностей, ничего по сути не меняет. Товар как товар.

Однако рассуждения рассуждениями, а физиология – физиологией: после нервного срыва...

Ну, всё же, скорее, не срыва – а так, небольшого недо-

разумения в Оффисе... Заключение психотерапевта ясно гласило: «необходим курс психокоррекции, (в Диспансере) и (или) двухнедельный курс нормального оздоровительного секса (амбулаторно)». И – подчеркнуто: «с естественной партнёршей».

Начальник, вызвав Михаила на ковёр, подвигав седыми кустистыми бровями и потыкав в «Заключение» волосатым толстеньким пальчиком, недвусмысленно «намекнул»:

– Поймите меня правильно, уважаемый Михаил Геннадьевич... Разумеется, больше всего меня беспокоят доверительные и свободные отношения между сотрудниками коллектива. Никаких, так сказать, «каменной за пазухой», и «средневековых страстей». Именно стабильность и спокойный стиль этих отношений способствует росту производительности и эффективности. А вовсе не «талант и невероятное трудолюбие», как отмечено в вашей личной карточке... Хотя лично я никаких претензий к качеству вашей работы не имею, но – люди!..

Не хотелось бы, чтоб вас боялись. Или за спиной шушукались. Да вы и сами всё прекрасно понимаете!

Поэтому, будьте добры, скорректируйте ваше поведение соответствующим... Н-да.

И, пожалуйста, пройдите рекомендованный курс!

Другими словами, ему ясно дали понять, что каким бы усидчивым и добросовестным работником он не был, ему очень легко подобрать замену в случае... «некоммуника-

бельности и непредсказуемых реакций на стрессовые ситуации, неизбежно возникающих на почве сексуальной неудовлетворённости». Как это элегантно написал в своём отчёте штатный психолог.

Именно после этого Шеф (Нужно отдать должное его заботе как об отдельном винтике, так и коллективе в целом! Всё-таки – профессиональный Администратор с большой буквы!) и нанял уже частного эксперта-психотерапевта. Впрочем, разумеется, «за счёт заведения!»

Так что шагая по аккуратно обсаженной по бокам цветущими кустами и просто – клумбами, асфальтовой дорожке, Михаил ощущал, что полкилометра до парадного входа наваливаются на плечи словно тяжким грузом попутных переживаний – словно он в чём-то виноват!

Впрочем, может и виноват. Нельзя было так свирепо «наезжать» на невнимательного клерка третьей категории, отправившего специфическое письмо не тому респонденту, в результате чего тот расторг заключённый с таким трудом Договор...

А ещё бы не расторгнуть – кому приятно иметь дело с рассеянными пофигистами, или – ещё хуже! – безответственными идиотами, допускающими утечку важной информации, или огласку «коммерческой тайны».

К тому же – чужой.

Уже входя в элегантно простые и строгие стеклянные двери, он заставил себя прекратить самоедство: надо – значит,

надо! Благо, это не трудно, и никаких проблем с морально-этическими Нормами, и уж тем более – Законодательством, как бывало в прошлом, не создаст!

Вежливые, но от этого не менее грозно выглядевшие в голубых рубашках, чёрных брюках, и армейских полусапогах безликие качки-секьюрити на входе глядели профессионально – оценивающе! Ближайший подошёл к замявшемуся было Михаилу, поздоровался, негромко и вполне вежливо спросил о цели визита.

– Здравствуйте. Мне нужно... Женщину на две недели.

– Будьте добры, ваш паспорт, кредитную карточку, и форму восемнадцать. И прошу пройти за мной.

Михаил передал всё просимое, и прошёл за женщиной к стойке регистрации. Пока – единственной работающей из ряда примерно в пятьдесят таких же.

За стойкой сидел пожилой седоватый мужчина в строгом и действительно хорошо сидевшем костюме и новомодным галстуком-«ниточкой», с открытой, но словно казённой и на века застывшей «любезной» улыбкой. Взяв документы, он кивнул Михаилу:

– Здравствуйте. Мы рады приветствовать вас от лица Корпорации «Дусеев и Забытов». Будьте добры – присядьте, пока я введу ваши данные в компьютер.

Михаил присел на одно из мягких и удобных кресел, рядом ещё с пятью ожидающими мужчинами, которым на вид он дал бы от двадцати до шестидесяти. С ними поздоровался

просто сдержанными кивками.

Мужчины вежливо покивали в ответ, но разговаривать с новоприбывшим явно никто не спешил – возможно, здесь это не принято. Михаил снова сглотнул: пальцы похолодели, и кожей головы он чувствовал, как вернувшийся на место секьюрити буравит бдительным взором его затылок...

Впрочем, при незаметном взгляде в сторону входа оказалось, что он сам себе нагнетает напряжение – секьюрити в это время мирно говорил что-то шёпотом напарнику.

Клерк за стойкой поднял голову:

– Владимир Леонидович. Прошу вас.

Подошедшему седовласому старцу явно пенсионного возраста клерк, казённо, но вполне вежливо улыбаясь, передал документы, и яркий буклет. Затем вполголоса что-то объяснял с полминуты. Улыбка держалась на лице, словно приклеенная. (Профессионал!) После чего указал на лифт, и мужчина проследовал туда, чтобы навсегда исчезнуть из поля зрения Михаила.

– Олег Фёдорович. – сцена повторилась с сорокалетним, державшимся столь уверенно и раскованно, что становилось ясно: он здесь – постоянный клиент. Завсегда.

– Сергей Альфредович. – подошла очередь парнишки моложе Михаила лет на пять. Михаил отметил себе: улыбка так и не изменилась, и тон – подчёркнуто нейтральный и вежливый. Приятно. Сервисмены Корпорации – опытные и сверхпрофессиональные. Иначе здесь не задержались бы.

Не прошло и трёх минут, как в парадные двери вошёл очередной клиент, сдавший документы, и занявший место на соседнем кресле, а Михаил подошёл на зов.

– Прошу вас. – клерк вернул паспорт, кредитку и справку о состоянии здоровья. Затем подал ещё буклет, – Вот ваш ознакомительный Проспект. Поскольку вы в нашем филиале в первый раз, позволю себе немного пояснить собственно процедуру, разумеется, если вы не против. – Михаил кивнул, показав, что не против.

– Осмотр клиенты обычно начинают с верхних этажей, или Уровней. Там – элитные экземпляры. Умеющие петь, танцевать, рисовать, и даже поддержать разговор в любой области искусства и науки. Если вы немного знакомы с историей – их статус, обучение и воспитание примерно соответствуют таковым у японских гейш, или древнегреческих гетер.

Естественно, и стоят их услуги на порядок дороже – прейскурант и основные личные данные имеются возле каждой кабины. Изучать как его, так и самих элитных женщин можно неограниченно долго. Нельзя только требовать, как это обычно практикуется с женщинами категорий «С» и «Д», «встать и пройтись». – клерк приподнял чуть выше один из уголков губ, что, очевидно, должно было изображать ироничную улыбку.

– На втором Уровне – женщины, специализирующиеся на предоставлении не только сексуальных услуг, но и так назы-

ваемого «консорта». То есть – вы можете выводить их в качестве престижно выглядящих спутниц на Приёмы, званые Рауты, корпоративы, в театры и так далее – в одежде по вашему выбору.

На первом Уровне – женщины, владеющие лишь искусством оказания собственно сексуальных услуг... Но зато уж владеющие в совершенстве!

В пяти подвальных Уровнях – обычные экземпляры. Не имеющие «специальной» подготовки, и не умеющие почти ничего, кроме основной функции, но безоговорочно исполняющие то, что предусмотрено их Контрактом.

Внимательно ознакомьтесь с информацией в вашем Проспекте, и условиями эксплуатации, вывешенными возле кабины каждой женщины, прежде чем сделать выбор.

Выбор производится путём нажатия кнопки возле таблички с анкетными данными отобранного экземпляра. После чего Вы возвращаетесь сюда, в маркетинговый Отдел, подписываете Контракт на указанный вами срок, и мы снимаем расчётную сумму с вашей кредитки. Женщину забираете из Порта «А». Самовывозом, или заказываете доставку её на дом. Доставку по нашему району Корпорация гарантирует в течении двух часов.

Возвращаете женщину в порт «Зет», по истечении Контракта. За просроченные дни, или несоблюдение условий проживания, кормления или эксплуатации начисляется неустойка – подробности узнаете из Проспекта.

Это – всё. Благодарю за внимание. Вопросы? – Михаил покачал головой, показывая что таковых нет.

– В таком случае Корпорация «Дусеев, Забытов и Ко» желает вам приятного времяпрепровождения!

Михаил, горло которого почему-то сдавил липкий спазм, сглотнул, неловко буркнул «С-спасибо», и поклонился. Ноги сами понесли его в сторону лифтов. Лицо, как он чувствовал, пылало.

Стыдно. Перед клерком. Правда, тот наверняка видывал здесь и не такое.

Ближайший лифт уже ждал, приветливо распахнув створки. Эффектно подсвеченная сзади мягким, словно струящимся, сиянием, богато расшитая униформа лифтёра...

Производила впечатление! Куда там пятизвездочным Отелям!

Ну так – «Корпорация», туды их!..

Предупредительно улыбаясь, лифтёр на придыхании спросил:

– На третий?

Михаил только кивнул.

– Первого Здания? – Михаил замялся. Не хотелось бы смотреть на тех клиентов, кто прибыл раньше, и сейчас идёт впереди.

– Нет. Давайте сразу – предпоследнее.

Лифт, мягко набирая скорость, двинулся влево. На километр ушло буквально несколько секунд. А быстро! Затем он

почувствовал давление на ноги: ага, теперь – вверх!

Пока доехали до верхнего этажа, ему удалось как-то справиться с лицом – вернуть тому хотя бы почти спокойное и равнодушное выражение.

Ну а что тут такого – он, *как и все мужчины в мире*, приехал выбрать себе партнёршу. На две недели. Нормально. Вроде бы...

Если бы вот только не эта гнусная и ворчливая собака – совесть!

Это мать приучила его к странной и давно отчётливой Единым Обществом как вредоносный и деструктивный пережиток, мысли, что женщина – тоже *равноправный человек*.

Имеющий право на собственные чувства, желания и даже – действия.

Ох, мать. Надежда Павловна Ланская... Дворянка в восьмом поколении. Гордая, умная, и с царственной осанкой даже в шестьдесят три. «Последняя из могикан».

Конечно, её «странных причуд и устаревших взглядов» не смогли вытерпеть ни первый муж, ни второй. А затем институт брака и вовсе упразднили, и выйти «замуж» стало попросту нереально.

Как рассказывала Надежда Павловна, женщины раньше даже голосовали (чему он при всём желании поверить не смог), и работали (А вот это – возможно. Поэтому и производительность в таких фирмах и местах наверняка была... Там, где солнце не светило!).

И вообще: то, что его родили по старинке, «естественным» образом – само по себе уже являлось как бы вызовом, плевок в лицо этому самому Единому Обществу!

Хоть рожать и не запрещалось Законом, все знали – за поддержание оптимальной численности и состава Социума отвечает Центральный Инкубаторий, в нужном сочетании и количестве проводящий в положенные сроки оплодотворение законсервированными сперматозоидами донорских яйцеклеток. И дорастивание эмбрионов до «родов».

А уж за Предопределение, по врождённым способностям, и обязательное стандартно качественное гипнообучение – Центральная Высшая Школа.

Мягкая трель звонка сообщила, что они прибыли. Михаил поблагодарил.

– Всегда к вашим услугам! Приятного времяпрепровождения!

Только когда створки бесшумно закрылись, и лифт уехал, Михаил позволил себе достать из кармана платок, утереть пот. И взглянуть вперёд.

Тупик, куда доставил его лифт, открывался в широкий и светлый коридор.

Мягкое рассеянное освещение, плафонами на белом потолке. Одна стена – светло-оранжевая, и полностью глухая. Другая целиком состоит из остеклённых кабинок.

А кабинки-то... Немаленькие. Не меньше, чем его спальня. А то и побольше!

Ну правильно – «Элитные экземпляры»!

Не заглядывая в Проспект – выучил чуть ли не наизусть, скачав с интернета! – он неторопливо, стараясь не выглядеть уж слишком перепуганным или взволнованным, двинулся вперёд. Вот он и начал «приятно времяпрепровождать!»

Первая увиденная им женщина оказалась лишь в третьей кабинке – женщины из первых двух вероятнее всего «работали»!

Надо сказать, мнение Михаила о качестве сервиса и традициях Корпорации «Дусеев и т.д.» сразу подскочило на добрых два пункта!

Женщина называлась Дайана Матецкая, имела стандартные параметры девяносто-шестьдесят-девяносто, и весила пятьдесят три килограмма...

Но что это были за килограммы!

Они чувственно перекатывались под ухоженной бархати-сто-персиковой кожей, затянутой в лайкровые колготки и приталенный кардиган, ясно давая понять, что на тренажёрах их обладательница отрабатывает не меньше, чем он – за рабочим столом!

Лицо... Хм.

Не сказать – что совсем свирепое...

Круто вздёрнутые, чёрные, словно обсидиан, тоненькие ниточки бровей, жёсткие складки у рта, чувственные полные губы...

Нет, лицо не свирепое. А -самодостаточное. Спокойное.

Лицо уверенного в себе человека. Его обладательница явно знала, чего стоит!

Больше всего она напоминала древнюю воительницу – вроде легендарных амазонок: гордая, независимая, красивая до дрожи! Словно готовая ко всему сжатая пружина! С виду – невозмутимость, внутри – океан скрытой энергии.

На Михаила, застывшего, словно болван, узревший носорога в павлиньих перьях, она даже не взглянула: читала какой-то древний фолиант с иностранными – как он случайно разглядел по названию на огромной, в полметра, обложке – словами. Ага, немецкий.

Объёмистая Инструкция указывала, что мадемуазель Дайана (как она желает, чтобы её называли) специализируется на эпохе Гёте, коего знает наизусть, изучив «в оригинале», и на садо-мазохистских извращениях, где предпочитает играть роль Лидера...

Ах, вот почему первые двое востребованы – они предпочитали, как он вычитал, пассивность в этих самых... Играх.

Кормёжка... Хм. По заказу мадемуазель Дайаны!

Цена услуг даже за один день «эксплуатации» оказалась такова, что Михаил только чудом остановил на полпути руку, потянувшуюся почесать многострадальный затылок: его (немаленькая, в-принципе!) зарплата за месяц!

Под Инструкцией находилась большая зелёная кнопка.

Не-е-ет, *эту* он ни за что!..

Дальше шли ещё четыре пустые клетки (тьфу ты – комна-

ты!), а в пятой царствовала Мария Боярская. По-другому и не сказать!

Мария восседала на чём-то вроде трона. Одну высунувшуюся из-под горностаевой мантии прелестно стройную ногу она держала на очень похожем на настоящий, черепа, другую – скромно наружу не выставила. Зато в руках держала скипетр и державу. Гордо откинутую назад (Как только шея не ломается!) голову венчала высокая боярская шапка, похоже, даже из натурального меха.

Михаил прочёл, что обращаться к диве нужно исключительно «Ваше Величество», и кормить только чёрной икрой и парной осетриной. Ну, а по желанию – давать и водочки с солёными огурчиками.

Правда (очевидно, с учётом затрат на «питание») стоили услуги «её Величества» поменьше, чем у любительницы Гёте раза в полтора.

Ещё три пустые помещения.

Маргарита Наваррская.

Боже! Эту требовалось каждый день «ублажать» зрелищем пылающего костра (или хотя бы – натурального каминна), хлестать прилагаемой плёткой, и «использовать», только приковав к пыточному столбу.

Поскольку Михаил плохо представлял, как в его скромное жилище впишется этот самый столб, он двинулся дальше, не углубляясь в чтение остального.

Пресвятая Агнесса. Эту полагалось из квартиры не выпус-

кать, при «использовании» держать привязанной, (или, лучше – прикованной) к кровати, и требовать «отречься от вредоносной ереси христианства»!

После каждого сеанса «использования» полагался Курс восстановительных медикаментов, психотропных галлюциногенов, и «освежающий» сон на подстилке из натуральной соломы...

Еда – только каша из полбы и чёрный хлеб.

Бр-р-р!.. Неужели она и здесь так же питается?! Хм-м... Похоже – отличная кожа и... И всё остальное.

Лицо Агнессы особо рассмотреть не удалось, потому что к Михаилу мученица оказалась обращена как раз противоположной стороной! Но «все остальное», что оказалось видно, (особенно, когда девушка клала истовые поклоны перед огромным, на полстены, распятием, и грубая материя рубища всё равно аппетитно обрисовывала то, что положено обрисовать) впечатляло... Похоже, солома очень даже способствует. Отращиванию.

Валькирия. Эта нагло, выставив в прямо-таки волчьем оскале, острые белые зубы, восседала на горе ржавых доспехов, мечей и шлемов, а под кольчужной рубахой, составлявших всё облачение, явно ничего не было. А ещё она что-то жевала. Сырое мясо поверженных врагов? Или просто жвачку?

Михаил поморщился – валькирия оказалась на его вкус полновата, хоть и с копной невероятно пышных и длинных

рыжих волос. В рационе значились солонина, сырая рыба и много (Это особо оговаривалось!) – не меньше пяти литров в день! – пива.

Неторопливо, уже успокоившись, и похихикивая в усы, Михаил продолжил изучение, двигаясь в паре шагов от бронбойного панорамного стекла.

Японская гейша (Говорит и при необходимости пишет на восьми языках. Ест суши и отварной рис. Владеет навыками работы персонажами театра Кабуки.).

Маркиза Помпадур (Затянутая в столь тесный корсет, что непонятно, как вообще дышит! Талия – как значилось в Проспекте – сорок два сэмэ!). Разумеется, в платиново-белом парике. К тому же ещё и с дурацкой мушкой над губой...

Офицер гестапо. Ну эта, понятное дело – в черной кожаной форме. И с парабеллумом в кобуре. (Инструкция сообщала, что пули – резиновые. Хм... Всё равно не хотелось бы и такую получить. В любое место!)

Пастушка. Хм-м... Эту он разглядывал и о ней читал дольше всех.

Венок из полевых цветов и милый пасторальный облик (В комнате, на искусственной травке даже «паслись» механизированные овцы!) соблазняли, конечно, как и означенная «любовь к утехам на лоне природы», но...

Неприемлемой оказалась цена.

Пройдя до конца этого Здания, он так и не выбрал. А часы показывали, что ушло почти полтора часа. Надо бы пошеве-

ливаться – если он хочет успеть всё закончить сегодня!

Следующее, последнее, Здание заняло не больше двадцати минут: он почти не останавливался – варианты увиденного всё чаще повторялись. Менялись лишь имена. Поэтому в остальные Корпуса он не пошёл, а сразу спустился на Второй этаж.

На Уровне «Б» Михаил оказался весьма неприятно удивлён.

Все Леди для консорты казались словно бы на одно лицо! Деловой неброский макияж, строгие чёрные миди-юбки, белые блузки, телесные колготки с лайкрой... Ну и, само-собой – туфли на длиннющих шпильках. Большинство предпочитало и короткие стрижки. Различались габариты тел (от хрупких, наряженных в сорок четвёртый, до весьма... Упитанных – пожалуй, на пятьдесят второй.).

Но черты лиц у всех отличались правильностью и словно бы стерильностью: таких жёстко-колючих взглядов Михаил ещё не видал! (Потому что те, кого брали на корпоративы его Шеф и Шеф Шефа, *так* не смотрели – работали!)

А уж про то, что их отличала от дам с верхнего этажа словно казённая деловитость и целеустремлённость, можно и не упоминать!.. Хм-м... Ни дать – ни взять, старинные секретарши больших Боссов! Только вот нет сейчас секретарш. А есть секретари!

Поскольку «сопровождать» Михаила никуда, кроме по-

стели, не требовалось, он прошёл этот Уровень быстро, лишь изредка бросая рассеянные взгляды на куда менее востребованных «консортщиц»: более половины однообразно оформленных в том же казенно-деловом (под офис!) стиле клеток-камер оказались заняты. Не сезон для консорта, что ли? Или этот вид услуг постепенно отмирает? Или...

Меньше стало Шефов?

Второго этажа одного Здания из восемнадцати ему вполне хватило разобраться – здесь делать нечего.

Первый Уровень позволил ему вздохнуть спокойней, и расслабиться: здесь, наконец, женщины были похожи на женщин!

Правда, стоили немало: у наиболее породистых и красивых расценки за день соответствовали его недельному заработку. Странно. Ну ладно – Элитные категории! Те тратят заработанные деньги на самообучение, повышение квалификации, и уход за собой!

А эти? Ну, дорогая косметика на лицах, ну неплохие тряпки. (Если позволительно так неуважительно говорить обо всех этих «Диорах», «Дольче Габбанах», и «Армани»!) Правда, сами лица оказались куда как не настолько аристократичны и выхолены... Но всё равно – приятные.

Снова неторопливо двигаясь вдоль комнат уже куда меньшего размера, Михаил внимательно приглядывался к иногда поднимаемым на него взорам.

Не-е-ет! Тут ему не кажется, как на втором, что все – слов-

но на одно лицо, хищное и собранно-деловое. Этим и не пахло. А пахло...

Самками! Эротикой! СЕКСОМ!!!

Недвусмысленная Похоть так и «пёрла» из некоторых «экземпляров»!

Женщины попадались и равнодушные (Может – это напускное равнодушие? Возможно, на некоторых клиентов оно действует, словно фитиль на бомбу?..), и хитро подмаргивающие, и томно поводящие бесстыдно выставленным из тонкого кружевного батиста плечиком... Больше всего, правда, оказалось спокойных и расслабленных – они явно знали себе цену, и имели немалый опыт – что и было отражено в их послужном списке-характеристике.

Как там обозначено в Проспекте – «весь спектр услуг»?!..

То есть – и камасутра. И новинки из области астрала, и... Всё прочее.

Михаил почесал-таки в затылке. Опыт – это, конечно, хорошо... Но уверен ли он в том, что хочет – опытную? Учительницу? А вдруг та станет над ним, стесняющимся своей почти девственной невинности (Опыт школы, когда они со сверстниками при выпуске устроили мальчишник с профессионалкой – не в счёт!) смеяться? Прикалываться?!

Он нутром понимал, что малейшая насмешка, или ирония могут... Отрицательно сказаться на его Потенции.

Ладно – самому-то себе он мог признаться, что попросту боится!

Поэтому спустится-ка он ещё ниже.

В подвале тоже попадались и красивые, и молодые.

Странно. Что же они – не набрали достаточно денег на курс сеансов гипнообучения? Дороговаты пока «отработки» на тренажерах? Или – ленятся? Или... «С норовом?» Почему не востребованы? Или – просто рано?

А, может, дело в «престиже», и народ предпочитает на порядок более дорогих, «элитных»?

Тех, что выше уровня земли? Чтобы потом как бы походя вставить в разговор, как он иногда слышал: «Да-а, я предпочитаю, когда она всё делает сама... И уж делает умело!...». Или: «Ну, мне вчера устроили и встрясочку! Выжали, как лимон! Вот уж повезло с этой «Садистой Машей!» Всё! Завязываю с экзотикой!...».

Теперь он рассматривал женщин куда внимательней.

Шагов через пятьсот понял, что здесь имеются три основных категории.

Первые – пожилые. Те, кто уже, как говорится, «вышел в тираж», и никакими косметиками, или массажно-тренажёрными средствами дряблость кожи и недостатки расплывшейся фигуры не скрыть. И, похоже, *это* не компенсировать никаким «опытом и навыками»... Лица именно этой категории казались самыми равнодушными к происходящему за стеклом снаружи. Отрешённые. Уставшие. Озлобленные? Нет, именно – уставшие. От такой жизни. И работы... И поче-

му-то у Михаила невольно всплыла ассоциация со стадом овец – видел он как-то стадо вот таких на фотографии.

Вторые – слишком молодые. Неопытные и необразованные. Посылающие ему призывные взгляды и подмигивающие только с одной целью: заполучить любого клиента, и добросовестно выполнить все требования Контракта. Чтобы насобирать денег на Курс, позволивший бы перейти в профессионалки! Хищно-целеустремлённого выражения не заметить было невозможно. Как и готовности буквально на всё... На всё!

Имелся и третий пласт.

Эти словно бы стыдились своего положения. Бросали на проходящего взгляды, полные явно напускной приветливости, грызли губы, когда видели, что он не останавливаясь проходит мимо, сжимали кулачки... Иногда вздыхали и закрывали лица ладонями.

Похоже, ещё не свыклись со своим положением, и терзались внутренним сознанием того, что их превратили в бесправный придаток Единого Общества. В товар, призванный удовлетворять сиюминутные, пусть и Первичные, физиологические потребности тех, кто создавал и вырабатывал что-то полезное для этого самого Общества – Материальные Блага! И не осталось женщине, по-сути, никакого иного выбора...

Некоторым, как видел Михаил, удавалось нацепить на лицо хотя бы маску деланного равнодушия. Другие...

Двигали желваками, стиснув челюсти, нервно сжимали и перебирали в руках какие-то вещи или безделушки-игрушки, раздували ноздри, вздыхали, глядя в пол.

Он даже видел укрывшихся с головой одеялом, и сотрясаемых бурными рыданиями на постели, здесь, скорее, напоминавшей обычную казарменную койку.

Мимо таких он проходил побыстрее – иначе в груди возникало странное не то поскрёбывание, не то – тяжесть, заставлявшие и его сжимать зубы и двигать желваками – ему было стыдно за то, что им стыдно!..

Он спустился по обычной лестнице сразу на пятый подземный.

Вид ступеней, лестничных пролётов и маршей, окрашенных в нейтрально-белый, помогли снова собрать волю в кулак, а мысли – сконцентрировать на основной задаче. Ему всё равно придётся выбрать. Значит, нужно подходить не с позиции «Пожалуй, выберу вот эту, она посимпатичней!», а с – «Из всех остальных эта – наименее меня пугает!».

Теоретически здесь располагались самые дешёвые и «неходовые» неофитки. Только что не девственницы. (Девственницы, согласно проспекту, размещались в Корпусе «Р» (Риджина), и стоили куда дороже даже категории «А»)

Этих Михаилу стало по-настоящему жалко.

Почти все они сидели или стояли рядом с коридором, привлечённые к стеклу отблеском его тени – ведь слышно его шагов, да и вообще, всего, что происходило за стеклом, не

было! И здесь почти не имелось пустых – с востребованными! – клетушек.

Лица многих оказались ненакрашенными – похоже, даже на косметику ещё не заработали! Большинство оказались просто тощими, или как бы это назвать, «принудительно стройными»: наверняка кормёжка в Этернотеке такая, что не больно-то разжиреешь... Особенно это касается тех, кто в категории Д-5.

Боже, да он снова краснеет!

Свирепо сжав зубы, и сердясь больше всего на самого себя, что позволил втянуть в этот мерзкий «выбор», он быстро двинулся вдоль стекла. Только держась теперь как можно дальше от него – он уже почти не мог выносить все эти жалостливые взгляды. И протягиваемые к нему в немой мольбе худые и бледные руки действовали, как кнут на лошадь!

Теперь он смотрел только на лица – почти аскетически худые стандартно-одинаковые фигуры не вызывали почти никакого желания!

Вот! Эта очень мила! А если честно – напомнила чем-то одну малышку из детства.

Он тогда украдкой убегал, и подглядывал через дыру в заборе – в Интернат для подростков-девочек.

Пока матери не с кем было его оставить, и она брала его с собой на работу – в Интернат для совсем уж крошек, до двух лет, он имел возможность не то, чтобы свободно гулять по территории во время тихого часа, а и исподтишка подгля-

дывать за таинственной и непонятной жизнью там, за трёхметровым бетонным монолитом забора. И уж возможностью заглянуть везде, куда удавалось заглянуть, не пренебрегал!..

О чём теперь тоже вспоминал если не со стыдом, то с известной долей раскаяния – бедные девчонки! Какая у них там царила муштра: куда хуже, чем в казармах Контрактников-солдат! А наказания голодом... Об этом лучше не думать – иначе он никогда не решится. Но, похоже, он уже...

Михаил подошёл ближе.

Глаза... Да, глаза чертовски большие и заплаканные. Все в красных прожилках, и блестят – словно поток слёз не кончается никогда... Ну, или имеется дисфункция слёзных желёз. Но уж это – вряд ли! За здоровьем всех обитательниц тщательно следит огромный штат медиков – у него даже есть один знакомый. Весьма состоятельный. Только уж очень нервный. Специфика накладывает отпечаток – огромная ответственность! Ведь «товар» должен иметь «товарный вид» и содержаться только в «рабочем состоянии»!..

Хотя немаленькая зарплата очень даже стимулирует таких, как этот врач и его коллеги, тщательно проверять все показатели, снимаемые дистанционно компьютером, и через видеокамеры неусыпно отслеживать попытки суицида, которые, как по секрету сообщил Семён Владленович Михаилу, случаются на нижних Этажах по три-четыре раза на дню только в их Этернотеке.

Он сделал вид, что смотрит на табличку – текста на ней

оказалось куда меньше, чем у тех, наверху.

Так, почитаем. Только чтобы оторваться от этих, ну прямо бездонных, чёрных колодцев, глядящих не то с мольбой, не то с укоризной.

Наталья Кудинова. Двадцать два года. После потери девственности была востребована... Пятнадцать раз. Нареканий – нет. Кормёжка – той же пищей, что ест сам клиент.

Цена... Странно – девушка симпатичная, и не слишком даже худая, а цена... Ниже, чем у многих здесь.

Ага – вот в чём дело. Отмечается некоторая склонность к перееданию. И телевизионным передачам. И... Вот – главное: любит поговорить. Отмечено четырнадцатью клиентами как главный недостаток. (Это он понять может! Кому же понравится, когда тебе тараторят всякую чушь, а ты хочешь... Хотя бы спокойно подумать. Или посмотреть футбол.) А ещё любит... Готовить?!

Хм-м... Заинтриговали.

Ладно, «говорливая», или нет – внешне она весьма... Привлекательна. Для него.

Осмотрев ещё раз кандидатку на проведение его «курса оздоровительного секса», и найдя, что видимых изъянов ни в фигуре, ни в лице нет, он нажал зелёную кнопку. Лицо девушки за окном вроде чуть изменилось – она вроде, даже улыбается!

Да нет – какой, к чертям, улыбается – она рыдает взахлёб! Слезы текут буквально ручьями по бледным щекам, но она

даже не пытается закрыть лицо руками, или как-то спрятать или хотя бы отвернуть это самое лицо от него!

Запрещено, что ли, тут низшим категориям отворачиваться?..

Его покорило – словно когтистая лапа прошла по сердцу.

Но... Передумать?

Он, сжав челюсти так, что заскрипели зубы, двинулся к ближайшему лифту, кинул взгляд на план корпусов, и поехал назад, к Приёмному Холлу.

Работа в Холле кипела вовсю: теперь клерки сидели за пятнадцатью стойками, а клиенты в огромном помещении буквально роились – прямо как мухи, слетевшиеся на...

Оформлением «специфических», и Контрактов на длительные сроки, занимался специальный Отдел и явно опытный клерк – к нему Михаила проводил секьюрити.

Комната офиса оказалась небольшой и уютной. Клерк – пожилым и, то ли – усталым, то ли – больным. Он поминутно снимал старомодные очки и протирал запотевающие стёкла. Однако лишних вопросов практически не задавал – все только по делу.

– На две недели? Хорошо. «Курс»? Понятно. Самовывоз? Отлично. Дополнительные пожелания? Нет? Хорошо. Будьте добры, подпишите здесь. И здесь. Вашу кредитку, пожалуйста.

Всё оформление не заняло и трех минут.

– Фирма «Дусеев, Забытов и Ко» желает вам приятного времяпрепровождения!

До Корпуса «А» Михаил добрался за ещё пять минут. Из них четыре ушло на поход до «Шкоды», и минута – на собственно езду за угол.

Вход в огромные двери прикрывали полотнища толстой полиэтиленовой плёнки – словноходишь в продуктовый или товарный оптовый склад... Впрочем, почему – вроде?

Сразу за плёнкой его ждал ещё один секьюрити с настолько короткой стрижкой, что сквозь ежик волос проглядывал череп:

– Михаил Геннадьевич? Прошу сюда. – похоже, ждали именно его. Звонок по телефону? Вряд ли – тут везде видеокamеры, а в ухе парня – микрофончик.

Они прошли небольшим коридором, и открыли дверь с пометкой маркером на входной сменной пластиковой табличке в держателях: «Д-5/14.05.2134. Михаил Геннадьевич... №...» – дальше шёл его номер кредитки, а ниже – номер и имя выбранной им женщины. Секьюрити попросил:

– Будьте добры, убедитесь, что это именно то, что вы заказывали!

Надо же – «то», а не «та»!.. Михаил посмотрел через проём вглубь комнаты. Кивнул, бросив взгляд на парня.

Вошёл.

Да, это именно «то», что он заказывал.

Девушка теперь смотрела на него без особого выражения – похоже, опасалась выказывать любые эмоции к клиенту под наблюдением «работодателей». Михаил оказался приятно удивлён: без стекла и при хорошем освещении она выглядела куда моложе и симпатичней, чем он представлял. Секьюрити, державшийся чуть сзади, произнёс:

– Госпожа Наталья Кудинова. Вы поступаете на две недели в распоряжения Михаила Геннадьевича. Обычный контракт. Самовывоз. Прошу вас проследовать за клиентом.

Девушка встала, двинулась к выходу, и Михаил поразился ещё раз: Боже, да она прихрамывает! Она что – больна?! А вдруг у неё что-то с ногами, и она не...

Впрочем – вспомним аннотацию: нареканий не было. Значит, ей хромота «работать» не мешает. Ну, стало быть, не помешает и ему. Хотя...

Он предпочёл бы не хромую.

Догнал Наталию он уже за шелестящими полосами, перекрывавшими вход в склад.

Девушка спокойно шла к его машине, даже не оглядываясь. Ну правильно: других машин поблизости и не было!

Обогнув её, остановившуюся возле передней правой двери, он отпер замок:

– Здравствуйте, Наталья. Я – Михаил Геннадьевич. Можно просто – Михаил. Где предпочитаете ехать – спереди, или сзади? – наконец он услышал её голос, тихий и словно ли-

шённый эмоций:

– Сзади, если можно.

Он открыл перед ней заднюю дверь:

– Прошу.

Девушка положила полупустую по виду сумку с личными вещами в дальний конец сиденья. Сама села точно посередине. Странно. Почему – посередине? Бьют их там, что ли?! Или в стены вмонтированы электроды? И почему вещей так мало? Запрещено обзаводиться собственностью? Только косметика и нижнее бельё? Или вообще – одно бельё?..

Он захлопнул дверь, забрался на своё место, завёл мотор.

Пока не выехал со стоянки, старался не отвлекаться: не то, чтобы движение на территории было уж очень интенсивным, хотя машин на полосах заметно прибавилось. Но вот подъезды-выезды могли бы быть и попроще...

На девушку он бросил взгляд в зеркальце только когда они оказались на хайвэе.

Наталия грызла ногти. Когда вдруг сообразила, что он видит её, резко отдёргнула руку от лица.

Плохо. Уже одно это говорит о неких комплексах, явно не подходящих полноправному члену Единого Общества. Что-то при её воспитании во всех этих Интернатах, похоже, упустили... Ну и чёрт с ним – это к счастью, не его проблема! Его цель – кормить, поить, и...

Использовать.

Почему же словно кошки скребут на душе?! И... Неуют-

но!

Нет, к такому надо привыкнуть.

Чтобы как-то прервать повисшее тягостное молчание, нарушаемое только негромкой эстрадной песней из проигрывателя, да рёвом мощного мотора, он спросил:

– Тебе и правда – двадцать два года?

На простой, вроде, вопрос она ответила не сразу. И словно бы преодолевая какую-то преграду:

– Да.

– И давно ты... здесь, в Этернотеке?

– Три года. Вы же читали мою Аннотацию.

– Читал. Но мне хотелось спросить у тебя. Самой. Или ты... Предпочитаешь больше молчать?

Впервые на её лице что-то мелькнуло с момента выезда из Этернотеки. Усмешка? Злость? Нет, судя по ответу, самоирония:

– Нет, молчать – я уже намолчалась, самой тошно. Пожалуйста, говорите со мной, если не... трудно – иначе я опять начну грызть ногти.

– А они... Пытаются отучить тебя от этой привычки?

– Да. Но пока я всё равно... Э-э, бесполезно – я с детства постоянно что-то тянула в рот. Соску сосала до двух лет – помню, как меня лупили нянечки...

– Вот это – да! Я помню про себя хоть что-то начиная только после четырёх... Когда уже проходили занятия физкультуры в Детсаду.

– В Детсаду? Вы... Вас воспитывала Мать?! – удивления в голосе не услышал бы только передний бампер. Михаил про себя усмехнулся. Вслух же ответил:

– Да. Я в этом плане нестандартный мальчик. Меня и рожали сами, и до трёх лет воспитывали дома, и ещё навещали потом, в Детсадах и Интернатах... Это не запрещается. Но сверстники-друзья смотрели... Словом, не понимали они этого... Что у человека может...

Да, по-идее, и должна быть Мать.

Наталия среагировала быстрее, чем он ожидал:

– Вас, значит, били все ваши товарищи по группе?

– Нет, что ты... – он усмехнулся. Теперь воспоминания об этих годах уже не жгли сердце, словно раскалённой кочергой, ещё и помешивающей угли комплексов и обид. (Вот что значит – хороший детский психоаналитик!) Но всё равно – она права. Такое тяжело забыть окончательно, – Не все. А только те, кто были сильнее.

Но после того, как я пару раз устроил им ночью «тёмную», пока воспитатели спали... Те, кто захотел остаться в живых – прекратили.

– Ух ты... А те, кто не захотел? – она, похоже, и правда, заинтересовалась. Глаза оживились, и кровь вернулась на бледное лицо, делая его ещё привлекательней, – Вы их?..

– Да. Стыдно признаться. Одного – отправили потом в реанимацию. С черепно-мозговыми травмами. Больше я его в этой группе не видел. Другого я, похоже, сделал импотентом.

Правда, после этого меня били всей группой... Но я же – умный. Я успел к этому моменту снять одеяла с видеокамер! Так что меня спасли те же воспитатели.

Правда, потом перевели в другую группу и меня. Но до моих новых «друзей» уже дошли слухи – трогать не смели...

– Вау! Интересный вы оказывается человек, Михаил Геннадьевич... Похоже, хорошо знаете, чего хотите. И в средствах не стесняетесь.

– Конечно. Именно это, кстати, отлично подготовило меня... Ко «взрослой самостоятельной жизни»! – он снова косо глянул в зеркальце, на её лицо, сам не понимая, почему это он решил рассказать совершенно незнакомой девушке про себя такое.

Чего и матери-то никогда...

Может, это от того, что она сама – хромая? Как бы – изгойша? Вот чует его ...опа, что не всё с этим в порядке! Но поскольку она замолчала, он продолжил:

– Я целю сейчас на место моего непосредственного начальника. Но имел глупость проявить «некоммуникабельность»... И агрессивность. Ну, то есть, наорал там у нас на одного идиота... И вот – ты уж извини! – он смущённо скривил рот в улыбке, – мне прописали... Тебя.

– А-а, как же, знаю – «Курс адаптивного лечения оздоровительным сексом»! Вот повезло вам. Со мной. Мне таких курсов нужно бы пройти... Каждый месяц! По два раза.

Он повернулся к ней через спинку, чтобы убедиться, что

она не шутит. Но лицо её не улыбалось – лишь пульсировала голубая жилка, вздувшаяся на виске, и зубы были сжаты так, что губы превратились в тоненькую складку. Хм-м...

– Так ты тоже дерёшься там, со своими?..

– Нет, что вы! У нас в Этернотеке такое невозможно. Мы же все как звери по клеткам – отделены друг от друга. Раз в день – кормёжка. Говорю же – как в зоопарке: открывают дверцу в бронированной двери, ставят миску каши, ломоть хлеба и кружку чая или киселя... Вода-то у нас в камерах есть. А вот ругаться с раздатчиком... – он подумал, что скорее уж, напоминает тюрьму. Строгого режима. Но промолчал, ожидая продолжения – её очередь «исповедаться». А нет – так и не надо. Но она решилась:

– Эх... Всякое бывало. Правда, тут я сама думаю – ну и дура же я. Раздатчик-то – ни в чём не виноват. Он просто делает свою работу. Как и все там, в Этерно... Да и я – должна делать свою. – в голосе не заметно энтузиазма. Но и отвращения к... Этому самому. «Работе».

Он почувствовал, что она точно – не совсем обычная...
Доступная Женщина.

Нужно что-то сказать. Ведь не обязательно же ему в самом деле...

– Извини ещё раз, Наталья. Я... всерьёз опасаюсь, тебе то, что предстоит, может быть неприятно. – он снова глянул в зеркало ей в глаза, – Однако если ты не захочешь – ничего и не будет. Мне достаточно, если ты просто поживёшь у

меня эти две недели – справку-то Этернотека мне всё равно даст. Что я, такой-то и такой, воспользовался услугами... – он говорил спокойно, чувствуя какое-то странное умиротворение.

Может, ему почудилась в ней родственная душа? Всё-таки девушка ощущает недовольство существующим положением вещей, навязанным им чёртовым «Обществом»!

Впрочем, нет – не родственная душа. Скорее – просто «коллега по несчастью».

Она долго молчала, словно разглядывая в окно мелькающие теперь небоскрёбы – они въехали в Город. Но он видел, что глаза её словно застыли – она не разглядывала ничего, а просто думала... Наверное, о его предложении. Затем сказала:

– Нет, Михаил Геннадьевич. Так не пойдёт. Я хоть и понимаю, в чём тут заковыка, на такое не соглашусь. Вы меня взяли, чтобы провести курс лечения. Вот я его и проведу. Потому что мне и самой приятно встретить хоть кого-то, кто на себе испытал... Неважно.

Важно – что я и сама хочу этого! – она снова кусала губы.

Михаил внутренне содрогнулся – девушка, похоже, обладает внутренним стержнем. Несгибаемым. Но он сумел... Чем-то заинтересовать её. Не вызвать сочувствие – это могло бы унижить его и её! – а именно заинтересовать. А он...

Что – неужели он (подсознательно!) – противник существующей Системы, существующего положения вещей?.. Ко-

гда женщины – приобретаемый в аренду Товар, а мужчины – «Хозяева Вселенной, Строители Общества, и Мыслители»?

Которые лучше всех знают, что и кому нужно.

Бред.

Если уж на то пошло, его такое положение устраивает как никакое другое – потому что детство научило его только одному!

Лбом, руками и зубами пробивать своё! То, что наметил. Не считаясь с остающимися позади – хоть трупами, хоть поверженными, морально сломленными конкурентами!

И, разумеется, никаких Женщин – «переключения интересов» и «расслабления» мешают достижению Цели!

О, сколько работы он создал своим психоаналитикам! Да это ещё и при том, что едва рассказывал половину из того, что думал... А думал, что все вокруг – твари, самовлюблённые амбициозные мерзавцы, и Враги!!!

Но девушка...

Оказывается, есть и исключения! И не все – враги.

Вот Наталию Кудинову он уже не рассматривает почему-то ни как ступеньку, нужную для продвижении по карьерной лестнице, ни уж тем более – конкурентку на пути к тёплому месту. А скорее – вот именно, как сестру по... Изгойству?.. Странно.

А ведь и правда – до приезда в чёртову Этернотеку она и нужна-то ему была только для справки о «Прохождении курса»! В чём же дело? Когда это произошло? Ещё там, когда

она стояла по ту сторону стекла? После разговора, который и разговором-то «по душам» не назовёшь? Или... Или стекло – невидимое, нечужое! – всё ещё разделяет их?

Тряхнув головой, словно отгоняя непрошенные мысли, он сказал:

– Мы приехали. Смотри, Наталия: это – мой дом!

– Вот эта здоровенная кривобокая коробка? – восхищения в её голосе не ощущалось. Скорее – наоборот. Чертовски дорогие дизайнерские ухищрения постпостмодернистов явно не произвели должного впечатления.

– Ну... Можно сказать и так. Это, кстати – один из самых дорогих и престижных Домов для служащих. За аренду квартиры уходит чуть ли не половина моей зарплаты.

– Странно. А вы не можете найти жильё подешевле?

– Могу, конечно. Большинство моих коллег так и поступает. Однако! Я же – карьерист! – он покачал головой, чувствуя фальшь в своём заявлении, но сделать с этим уже ничего не мог, – Поэтому должен сразу жить в Доме, где обитает остальное Начальство.

Так и видишься с ним чаще, намозоливаешь как бы глаза, и подсознательно влезаешь к нему в доверие, становишься своим, словно нечто... Обыденное. Привычное. Так им куда легче приблизить меня к себе! То есть – повисить.

Ноблесс облидж! То есть – положение обязывает! И меня, и их.

– Надо же. Никогда не думала, что ещё сохранились ка-

кие-то карьерные интриги...

– Да что ты!.. Это ещё мягко сказано – интриги! Я думаю, никакие женщины того, Древнего, Общества, не могли сравниться по изобретательности или подлости с нашими амбициозными мужиками!.. – они вышли из машины. Михаил за пер её, кинул монетку в парковочный автомат, и автоматически предложил спутнице руку.

Наталия подхватила её, сразу как-то подобравшись и приосанившись:

– Михаил Геннадьевич! Грудь вперёд! Я, конечно, не консьорт-дама, но тоже кое-что в презентации понимаю! Идите гордо и плавно! Потому что у меня – нога. Им не должно быть видно, что я – хромая!

Михаил так и сделал, впервые после вселения в дурацкую помпезную Башню ощущая себя так, словно он и правда – Бог и Царь, а все остальные, живущие в этом людском улье – рядом с ним – пигмеи и неудачники!

А молодец эта Наталия... Сообразительная.

На восемнадцатом этаже царил тишина.

Ворсистые ковры, делавшие ходьбу приятной и бесшумной, и картины неоэкспрессионистов, висевшие на стенах коридора, произвели впечатление на его спутницу:

– Ух ты!.. Якорь мне в задницу, как говаривала моя первая воспитательница – здесь похоже, приятно жить! Небось, и горячая вода есть!

Михаил поспешил уверить, что с этим всё в порядке – ванну можно принимать хоть три раза в день.

Наталья поцокала зубом:

– Ну, три – не три, а сегодня точно приму! Я хочу быть чистой и мягкой! О-о!.. – это уже относилось к квартире, куда они попали, когда Михаил отпер дверь, – Боже, диван! И телевизор «Сонни»!

И... И – книги? Михаил – это – *книги*?!

Показалось ли ему, или в её голосе звучал подлинный трепет восторга? Неужели она никогда... Впрочем, такое – возможно.

Да и кто, например, даже из его коллег хоть раз в жизни видел – книги?!

Уже лет сто никто не читает ничего, что не нужно бы было для работы, или повышения своей квалификации – чтобы обойти конкурентов-коллег. Причём – в экране ноутбука, компа, или симпа... Сейчас даже деловые бумаги передаются в электронном виде. А жаль.

– Да, Наталья, это книги. – он говорил нарочито негромко и мягко, – Остались от матери. Я, как могу, стараюсь сохранить их в рабочем виде... Но всё равно – вон ту, синюю, недавно пришлось перепрошить – переплёт обветшал... Буквально развалился.

– Можно?! – её рука сама потянулась... Он кивнул:

– Конечно. Вон – садись на диван. Я пока посмотрю, чего бы нам сделать на обед.

– Нет, Михаил Геннадьевич, это не дело. – она резко отвернулась от полки. – Раз уж вы меня выбрали – должны были прочесть и мелкий шрифт: «если хозяин не возражает, готовить предпочитает самостоятельно»! Кстати... А «хозяин не возражает»?..

– Не возражает. Холодильник – в твоём полном распоряжении. И...

Вот ещё что. Перестань звать меня по имени-отчеству, и на «вы». А то я чувствую себя так, словно привёл в дом своего Босса – Валентина Игоревича!

Она покачала головой. Затем присоединилась к его смеху – даже всплеснула руками, покачав головой:

– Боже! Вот уж не думала, что это может вызывать такие... ассоциации! Хорошо. Постараюсь отойти от наших Инструкций. Если, конечно, вы... ты – не против.

– Конечно, нет! Пойдём – кухня там.

На кухне Наталия первым делом подошла к раковине. Вымыла руки с мылом. И только потом открыла дверцу величественной белой громадины. Присвистнула:

– Михаил! Вы... Тьфу ты – ты! – похоже, любитель поесть. Чего не скажешь по... – она окинула удивлённым взглядом его поджарую спортивную фигуру.

– Нет. Я очень... непритязателен в этом плане. А столько всего – потому, что я всегда затариваю оптом. Когда берёшь больше, чем на сто кредитов, в гипермаркете постоянным клиентам всегда – пять процентов скидка. И холо-

дильник купил сразу большой, чтобы дольше не посещать... Гипермаркет. – он почувал, как щека непроизвольно дёрнулась. Чёртов психиатр мог бы сказать, что... Да, «асоциальные тенденции», мать их...

Наталья, похоже, не замечавшая ничего, поскольку её полностью поглотило содержимое холодильника, уже выудила с верхней полки кусок говядины, при этом довольно, словно кошка, заурчав, а из нижнего отделения сетку с луком и другую – с морковью.

Но после его слов на пару секунд замерла, вскинув взгляд: – Я так понимаю, ты тоже... Людей не очень любишь? Социофоб?

– Знаешь, Наталия... Мне уже начинает казаться, что у нас в детстве был один психоаналитик.

Она снова рассмеялась. Не натянуто и тихо, как в первый раз, а от души – взхлёб. Но мясо и сетки всё же успела выложить на кухонный стол:

– Михаил. Спасибо за кусочек юмора – он мне сейчас... Да и вообще всегда... А психоаналитиками нас, девочек, не баловали... Но – хватит об этой теме!

Сейчас начну священнодействие!.. Смотреть можешь сколько угодно, а вот помогать или советовать... Пожалуйста – не надо!

– Намёк понял. Молчу. Смотрю с вожделением. Выдаю посуду. – он открыл шкаф с аккуратно уложенной посудой, и нагнулся, – Тебе – большой казан?

– Да. Литров на шесть. Ага, пойдёт. И – разделочные доски.

Он достал самые большие. И подставку с ножами.

Наталья занялась мясом. Резала она его уверенно – кусочки получались и не слишком большие, и не маленькие – как раз, какие резал он сам, когда по воскресеньям решал побаловать себя чем-то домашним. Теперь – лук. Смотри-ка, какие большие луковицы она выбрала!.. По его прикидкам, всё же – многовато.

Морковь уже мурлыкавшая что-то себе под нос Наталья умудрилась за каких-то пять минут почистить и настругать соломкой.

– Рис у ва... У тебя есть?

Он достал из деревянного ящика два килограммовых пакета риса:

– Два хватит?

– Одного хватит. Сделаю тогда классический. Азиатский плов.

– Звучит солидно. Нескромный вопрос можно?

– А, знаю: сейчас спросишь, где научилась? – она кинула на него взгляд исподлобья, продолжая уверенной рукой дорезать морковь. Он кивнул. Ну правильно – о чём же ещё можно спросить девушку, три года проводшую «за стеклом», но так профессионально владеющую кулинарными навыками?

– В последнем интернате. Там случайно сохранил-

ся подкурс – домоводство. Я на нём была второй ученицей за всё время его существования... Все остальные предпочитали «Современные компьютерные технологии», «Макияж для деловых», или «Введение в общий курс Истории». Не говоря уже обо всяком там искусстве-литературе-камасутре-практической-тайском-эротическом-массаже-и-тэ-дэ-и-тэ-пэ. Ну – это те, кто метил в «гетеры»... А я в них никогда... – она снова замолчала, нахмурившись, и поставив казан на огонь.

Уже не мурлыча откупорила бутылку масла. Михаил понял, что задета болезненная струна. Поспешил попытаться исправить:

– А как предыдущие... Клиенты... Смотрели на эту... Твою специальность?

– О-о! По-разному. Один даже надел мне на голову тарелку с моим борщом.

Михаил открыл было рот. Наталия поспешила пояснить:

– Шучу, конечно. Просто есть не стал. Обидно... Но из остальных – только троим понравилось: все слишком привыкли к полуфабрикатам... А свежеприготовленная пища имеет совершенно другой вкус! Словом – перевелись у нас истинные гурманы... Согласись?

Он поспешил покивать – ещё бы! Кому охота заморачиваться, и готовить! Куда проще кинуть брикет в микроволновку, и – всё!

А вот сам он... С другой стороны – качественная и вкус-

ная пища очень даже способствует!.. Повышению самооценки. И придаёт сил. Для борьбы. За место под солнцем. И хорошо, что остальные инкубаторские бараны этого не понимают...

Пусть раз в неделю – но готовить-то он умел. И готовил. Спасибо матери. И Наталия это уже поняла:

– А тебя мать научила? – теперь она засыпала в лужу масла на дне казана большую ложку соли, равномерно распределяя её над поверхностью.

– Да. Правда, я до сих пор вот так аккуратно и быстро резать не научился.

– А-а, ничего. Всё отрабатывается тренировками, как готовил мой тренер по теннису, лупя меня ракеткой по... Хм!

– Так ты и в теннис играешь?

– Да. Немного. Только вот нога... – она закусила губу, и кинула ломтик лука в раскалённое масло, послушала, посмотрела, вынула шумовкой из казана подгоревший уголёк, – Порядок. Нагрелось, как надо... Ну, с Богом! Запускаю.

Мясо зашипело и брызнулось маслом и соком! Наталия обожгла палец – схватилась за ухо, чертыхаясь:

– А-а... Б...! (Пардон!) Ругаться нельзя – невкусно получится! Давно не практиковалась с казаном! Ну-ка, где у нас тряпка...

Она, придерживая казан, бойко шуровала там шумовкой,

приговаривая:

– Вот сейчас какой плов у нас будет – пальчики оближешь!

Пахло уже и правда – отлично! Словно и шашлыком, и рагу, и бефстрогановф...

Улучив момент, когда она отложила «орудия», Михаил протянул пакет с мукой:

– Засунь в муку обожжённое место. Боль быстро пройдёт.

– Что, прямо вот так и засунуть?!

– Ну да. Старинный рецепт. Проверен. Мной. – она щедро припудрила ожог. Кивнула:

– Да, горит куда меньше. Спасибо. Но... Я всё равно – дальше – сама!

Михаил позволил себе присесть подальше от казана, и не мешая, наблюдать за движениями гостыи. Наталия словно ожила на кухне – движения уверенные, сама деловая, собранная. От застенчивости и хромоты не осталось и следа!

Обжарив мясо на очень большом огне, она метнула в казан лук, а чуть погодя и морковь:

– Ну вот, сейчас зыряк уже будет готов. А где чайник?

Он достал чайник на три литра, налил. Поставил на плиту. Наталия сосредоточенно мешала, не давая подгореть. К шипению в казане присоединился свист – чайник закипел.

Она влила на глаз – литра два, сразу сделала огонь поменьше, но всё равно варево активно бурлило, пока казан немного не охладился. А запах! М-м, шикарно!

Оставив всё булькать, Наталия промыла рис прямо под

краном. На это ушло минут пять. Затем – поставила чашку с ним на стол, и долила горячей водой из чайника – под уровень зёрен:

– Пусть разбухает и доходит! Так он намного быстрее пропарится...

Минут через двадцать, «вытряся» из Михаила зру и кинзу, она потолкла зёрнышки приправы в ступке, высыпала в казан, засыпала туда же рис, вылив остатки воды из чашки, где тот «набухал», в раковину, и утопила в белую массу под аппетитной рыжей поверхностью подливки светло-кремовые неочищенные головки чеснока. Довольно ухмыльнулась:

– Отлично подгадала с водой под рис! Сейчас подождём, пока станет ровень!

Когда действительно уровень жидкости сравнялся с поверхностью разровненного шумовкой риса, Наталья пронзила его в четырёх-пяти местах ручкой от ложки. И накрыла крышкой.

– Где часы? Ага, отлично. На самом маленьком огне – пятьдесят пять минут! И – никаких микроволновок! Пожалуйста: ничего не трогай! А я пока... Пустишь в ванну?

– Конечно. Полотенце уже там – сиреневое такое...

Оставив Михаила обонять обалденные запахи, и смотреть телевизор, Наталия зашумела водой в ванной. Она... Да – ему не слышалось – она снова напевала! Правда, песен он не узнавал. Но слушать казалось прикольно – это тебе не караоке-бар, куда всех их в принудительном порядке загонял

на Корпоратив каждый Новый Год Шеф! Эх, Шеф...

Да что говорить – у него даже поджарые, словно гончие и собранно-деловые, словно шпионы, консорт-девицы пили и пели! На радость остальным сотрудникам.

Через пятьдесят пять минут мокрая Наталия с прилипшими к голове волосами, и завёрнутая в одно «сиреневое» полотенце, появилась из ванны, выключила газ, и погрозила пальчиком:

– Пожалуйста, всё равно ничего не трогай! Пусть ещё пять минут доходит!

Ну, положим, доходить плову пришлось не пять, а пятнадцать, но когда его «хозяйка» вышла из ванной в халатике, который он предусмотрительно оставил рядом с полотенцем, смотрелась она отлично: высушенные его феном волосы лежали ровными волнами, без макияжа лицо словно стало мягче и ещё моложе... Никакая она не грозная противница режима. А обычная женщина, тянущаяся к уюту домашнего очага...

Ножки, выглядывающие из-под коротенького подола... Вполне отвечали его вожелениям! Только усилием воли он заставил себя не пялиться. Наталья отреагировала:

– Десерт – на десерт! А сейчас – горячее!

Правда, прежде чем разложить кулинарный шедевр по тарелкам, она долго и тщательно его прямо в казане перемешивала: чтобы сразу равномерно разместить в рисе оставшийся снизу зыряк. Но хуже плов от ожидания не стал: и рис ока-

зался пропарен до мягкости, и привкус у него – неповторим, и цвет... Ну, словом – всё восхитительно!

Ели молча, не мешая друг другу наслаждаться ощущениями. Михаил довольно облизывал даже пальцы, которыми чистил от шкурок чеснок.

Чёрт возьми – и правда, настоящий плов! Он едал такой только раз в жизни – во время командировки в Самарканд. Да и то – запомнил только то, что тамошний рис приходилось не жевать, а, скорее, разгрызать: он не пропарился. Как ему объяснили – «так положено!».

Михаил встал, чтобы поставить ещё чайник: жирную пищу невольно хотелось залить сверху горячим – чтобы уж полностью расслабиться!

К чаю у него были припасены печенья – их Наталия почти не ела – и шоколадные конфеты – а вот их они, хитро переглядываясь, прикончили.

– Так... – довольно поглаживая себя по ощутимо вздущемуся пузику, и мило улыбаясь, Наталия удивила: – Теперь – как минимум час – на усвоение тяжёлой пищи. Хочешь – посмотри ящик, а я пока, если не возражаешь – покопаюсь в книгах... Увеселения – потом. Но вначале – обязательно сполоснись: чтобы смыть пыль, и пот от плова!

И верно – Михаил не на шутку пропотел, хоть и старался жевать обстоятельно, а не заглатывать вкуснотищу словно страус. Он кивнул:

– Согласен. Смотри, конечно. Я уже... Прочёл все. Так

что – точно футбол.

В огромный экран, правда, Михаил пялился словно бы отрешённо – никак не мог сосредоточиться на игре. Плов действительно – тяжёлая пища. Но ощущал он себя и сытым, и сильным. Тянуло пока, правда, больше полежать...

Он так и сделал, развалившись единолично на диване, пока Наталия перелистывала какую-то из его книг, забравшись с ногами в кресло, и включив торшер.

Вскоре Михаилу уже только с трудом удавалось удерживать веки, отяжелевшие, словно к ним привесили гири, и он решил, что только послушает комментатора – до гола.

Его трясли за плечо: мягко, но настойчиво:

– Ми-ха-ил! Уж ночь на дворе, пора мыться да баиньки!

Он пофыркал:

– Надо же – вот это поспал! А, вроде, и не делал ничего!..

Ну и плов... Ладно, я – мыться.

Вымылся он тщательно, но быстро.

Наталия уже лежала в его большой кровати, накрывшись одеялом до подбородка. Он остановился в ногах:

– Ну как кровать? Мягкая?

– Нормальная. Как раз как надо. Ну-ка, взгляни – как я тебе на ней? – одеяло неторопливо двинулось кверху, открывая маленькие изящные ступни, тонкие лодыжки, икры... Коленки Наталья чуть согнула – смотрелось...

Блин! – как она говорит.

Когда кромка одеяла добралась до кружевных трусиков, чуть задержавшись на стройных бёдрах, Михаил обнаружил, что дрожит – у него всё оказалось... Готово!

Наталья тоже это заметила:

– Михаил... Мне включить музыку, или зажечь свечи?

Он, вполне оценив намек, погасил верхний свет, оставив ночник в углу, и скинул халат. Забрался в постель. Протянул было руку... Но – остановился. Страшно!

Она мягко уложила его спиной на подушки, и приникла тёплым животиком:

– Ничего не говори и не делай! Просто – доверься мне!

Затем её тоненькие пальчики устремились туда, куда... Ну, словом – в самые его напряжённо ожидающие места, и аккуратно стали там работать. После чего она, искоса взглянув, сползла ниже сама, и перешла на ласку ртом... А когда он уже чуть не трещал по швам от сдерживаемого блаженства, она оседлала его, уперевшись ладошками в грудь, и стала раскачиваться, выгнув спину, словно кошка, и так же мурлыкая – вверх-вниз, вверх-вниз!

Закричала она только после его крика – негромко, но отчаянно, словно они не любили друг друга, а убивали...

Впрочем, на это и было похоже: *такого* он не ощущал никогда! Словно по телу проехал танк, выжав из него все соки и вызвав обильный пот!.. А ведь он даже не...

Наталья же вновь слезла с него, и её мягкий ротик вновь занялся тем, что его столь порадовало сейчас. Ого! А плов-

то... Вот всё снова и готово!

На этот раз он сам мягко уложил её на спину – она пододвинула под бёдра подушку.

Теперь уже он делал движения вверх-вниз, хрипло дыша, и с радостью вслушиваясь в такое же прерывистое и судорожное дыхание партнёрши.

На этот раз её конвульсии оказались куда сильнее, и крепкие пальчики так и вцепились в его бицепсы, вызвав ответную реакцию: он зарычал, и удвоил натиск!..

Третий её пик наслаждения совпал с его вторым. Убедившись, что он ещё жив, и сердце перестало отдавать в виски, он откинулся на бок, пробурчав только: «Ох!..» Наталья несколько минут молча лежала на спине, содрогаясь всем телом.

Затем со стоном перевалилась на бок, прижавшись снова животом к его ноге, а свою закинув ему на живот:

– Я так чувствую, тяжело мне будет с тобой. – и, когда он вскинул на неё недоумённый взгляд, – Заездишь до полусмерти!

Он рассмеялся – ему стало просто и хорошо.

Какой он идиот! Разве может надувная блондинистая дурра, хранящаяся сейчас в нижнем – самом дальнем! – ящике комода, сказать так? Нет – от неё дождётся только записанных раз и на всегда на кристалл флэшки глупо-пошлых вздохов и подвываний!..

Однако ответил он с расстановочкой:

– Ещё не известно – кто кого заездит!..

На рассвете, после четвёртого раза, он и сам еле дышал, и первым запросил пощады: обессилел так, что и никакой плов не мог спасти!

Хорошо, что сегодня воскресенье. Всеобщий выходной. Можно спать дальше.

– Михаил! Михаил же! Ну и здоров ты спать! Хочешь, чтоб я на ужин стоговила кавардак? – он мог выразить энтузиазм только невразумительным мычанием.

– Тогда своди меня куда-нибудь погулять! Хотя бы в зоопарк!

А что – неплохая, в-общем-то, идея.

В зоопарке он и сам был последний раз... дайте-ка вспомнить... Лет восемь назад!

То есть – ещё до того, как начал работать у Шефа! Ну и дела – заела, стало быть, рутина и карьерные амбиции: забыл о том, что по воскресеньям можно не корпеть над интернетовскими Курсами «повышения квалификации» и «способами улучшить креативное мышление», а просто... Погулять на природе! Расслабляясь и ни о чём не беспокоясь.

Доехали до зоопарка за час. Билеты, буклет, «Добро пожаловать»!..

Зоопарковским буклетом Михаил стал просто обмахиваться: стоял отличный воскресный солнечный день – вот уж спасибо синоптикам. А посмотреть, чего они там пишут про

своих зверушек можно и дома! Не для изучения же – кто из животных где живёт, чем знаменит, и чего ест – они сюда пришли! Хотя, если фотки останутся на память – неплохо...

Девственный лес, в дебрях которого имелись прогалины, искусно устроенные так, словно перед ними натуральные поляны, соединяла асфальтовая дорожка, без видимой системы ещё и петлявшая между прудов с кувшинками, уютных лавочек, вековых сосен, и дубов с берёзами.

Однако они шли медленно, так как во-первых, Наталья задерживалась почти у каждого вольера, а во-вторых натёрла мозоль – а нечего ходить по парку в туфлях на каблуке.

Больше всего, как ни странно, её привлёк дикобраз: когда она, несмотря на строжайшее запрещение, вывешенное на табличках через каждые пятьдесят шагов, что – «животных не кормить и не дразнить!», сунула сквозь сетку кусочек печенья, метровый зверь очень аккуратно взял его двумя лапками, и стал кушать: так, словно он – чопорная пожилая дама, которая-то уж всё знает о соблюдении приличий!

Михаил похмыкал, Наталия буквально заходилась от восторга:

– Подожди, я дам ему кусочек побольше! – и, чуть погодя, – Смотри-смотри! Правда, он нюська?!

Михаил поглядел внимательней на огромного и страшноватого на вид зверя, зубами которого можно было бы запросто перегрызть любой ствол, если б не сетка... Кроме того, несмотря на старания роботов-уборщиков и окружающий

лес, вольер ощутимо пованивал. Однако спорить с Натальей не стал, удержав только нос от сморщивания:

– Да. Настоящий. Вот прям типичный нюська.

На табличке он прочёл, что «нюську» зовут Терминатор, (А что – вполне подходящее имечко!) и ест он больше трёх килограмм фруктов и овощей в день, и роет норы по двадцать метров... Вот в это запросто можно поверить.

Рысь Маша, как значилось на табличке у решётки, спала. Наружу из домика свешивались только уши. Впрочем, можно было догадаться, что они крепятся к голове...

Порадовали белки. Они, смешно вереща, ползали по ветвям ближайшей к вольеру сосны, потряхивая рыжими и словно растрёпанными хвостами, а когда Наталья сыпанула им раскрошенных печений, всей толпой ломанули на землю, а затем – расползлись прямо по сетке, выпрашивая ещё!

– Ой, надо же! Какие... Прикольные. А глаза-то, глаза! Ну как бусины! Дать им ещё? – она пошуршала пачкой, которую они специально купили в лавке у входа, и в которой уже почти ничего не осталось.

– Как хочешь. А как мы тогда будем смотреть в глаза остальным бедным, некормленным зверушкам? – он не скрывал иронии.

Она рассмеялась:

– Да, верно. Они, наверное, больше любят орехи и всякие семена кедров... Я читала!

– Ага. Вот поэтому у них в вольере – четыре кедра и три

сосны. И наверняка служащие подсыпают им этого добра ещё и лопатой! Смотри, какая жирная вон та: если уж упадёт с дерева – наверное, земля будет трястись, словно грохнулся настоящий слон! – матёрая белка, видать, старейшина стаи, неторопливо и с чувством собственного достоинства вразвалочку протопала к сетке и тоже воззрилась на них.

– Надо же! Она так смотрит... Будто что-то соображает! – Наталья сунула «патриархессе» кусочек побольше. Та чинно взяла, и стала есть с расстановкой – почти как давешний «нюська». Наталья снова заохала. Михаил еле уговорил спутницу пойти дальше.

И хорошо: они успели вдоволь насмотреться на медведей, лосей, верблюдов (Эти, правда, все были в клоках лезшей с них шерсти – линяли.), слонов и зебр. На особенно тёплой полянке скакали даже кенгуру – пять здоровых оранжевых создания, напомнивших Михаилу почему-то крыс, вставших на дыбы. Правда, морды у этих оказались посимпатичней. Да и печеньем они не брезговали, как лоси, презрительно пофыркавшие на них...

Их стали всё чаще обгонять отдельные посетители, и компании – видать, коллективы, решившие провести «корпоратив» на природе...

Барсуки и еноты Михаила не впечатлили. Наталья пыталась выманить их из норы, но не слишком успешно: никто не вышел, даже когда Михаил умудрился попасть печеньем прямо в чёрное отверстие входа. Пришлось довольствоваться-

ся разглядыванием цветной голограммы на фото. Фото висели у каждой клетки, но казались лишь пародией на тех, кого изображали – сами звери выглядели совершенно иначе! Может, оттого, что они видели их в динамике, прыгающими и бегающими? Таких всё же оказалось куда больше, чем лентяев-лежебок типа барсуков. Или эти гады ведут ночной образ жизни?

– Михаил! Боже! Вот уж не думала... Смотри – это же коала? А как он живёт здесь, у нас? Холодно же? И ест же – бамбук?

– Нет, это панда ест бамбук, – он кивнул назад, – А это, верно, коала австралийский. Ест только листья эвкалипта – да и то, лишь определённого его вида... Значит, вывели наши селекционеры морозоустойчивый эвкалипт – вон: растёт же!

Действительно, мишка-коала, напоминавший плюшевого, висел всего в полуметре от них, на одном из восьми одинаковых низкорослых деревьев, и жевал. Правда, с таким удручённым видом, словно приходится поглощать мерзкую, отвратительную субстанцию, которую приличному медведю предложить могли разве что какие-то совсем уж изуверы!

– Похоже, ему эти селекционные эвкалипты не слишком-то...

– Вряд ли. Иначе совсем не ел бы. А вид у него всегда недовольный – я уж видал их тут... Кстати, говорят у них громадные когти! – предупреждение последовало вовремя:

Наталья быстро отдернула протянутую было к шёрстке руку.

А вот какой-то из молодых, явно чиновников, в строгом блестящем лайкрой костюме, не отдернул. За что поплатился длинной, и, судя по вскрику – болезненной царапиной! Грязно выругавшись (на что Наталья фыркнула, а Михаил хмыкнул), парень кинулся к ближайшему медпункту, поддерживая пораненную руку другой рукой, и возмущаясь администрацией – благо, стрелки-указатели имелись тоже через каждые пятьдесят шагов.

Придурок, подумал, провожая его взглядом, Михаил – сам полез. Теперь придётся ещё и штраф платить, за близкий «контакт», и «захождение за барьер». На то и видеорекамеры.

Мимо оленей, косуль и полян со всякими горными и равнинными баранами они проходили уже с трудом. Даже Михаил устал. Однако все скамейки, стоящие по интимным тенистым уголкам, оказались уже заняты – тут отдыхали и пожилые, и полные. Да и молодые, как и он, обмахивающиеся проспектами, и вяло переговаривающиеся. Жизнь сейчас такая: мало кто заморачивается физической формой, или работает стоя. (на то и роботы!) А так – все сидят. По уютным кабинетам. Три часа хождения, похоже, для многих – предел.

Наконец попалась монументальная и громадная, как оказалось, когда вошли внутрь, бревенчатая изба-столовая.

Пока Наталия доедала борщ и рагу, он сходил в лавку с обратной стороны дома.

Экспресс-доставка по пневмораспределителю, конечно,

обошлась дороговато, но кроссовки показались ему лучшим решением. Он вернулся к спутнице, с сокрушенным видом рассматривавшей стоящие под столом ступни, извлечённые из туфель:

– Не представляю, как я потопаю дальше!

– Зато я представляю. Ну-ка, примерь! – он вынул руки с обновой из-за спины.

– Вау!!! Михаил! Откуда?! – энтузиазм явно был неподдельным. Приятно.

– Экспресс-доставка. Лавка – за углом. Таких беспечных здесь – каждый второй. Все как-то забывают, что ногами можно ещё и ходить...

Правда, часа через два, после всех этих экзотически ярких и иногда громко орущих бабочек-колибри-попугаев-варанов-обезьян, содержащихся уже в вольерах-помещениях с искусственным климатом, ноги гудели и у него...

Домой добрались только к шести.

Кавардак превзошёл все его ожидания!

Пальчики оближешь! Он и причмокивал, и мычал, и попросил добавки... Которой получил совсем не так много, как рассчитывал, да ещё передача тарелки сопровождалась недвусмысленным мычанием, и косяками глазками туда, где... Он поспешил заверить, что к ночи всё будет в порядке – пища переварится!

Откинувшись на спинку стула, он методично ковырял зу-

бочисткой там, куда не мог дотянуться зубной щёткой – в дупле, которым всё было лень заняться...

– Знаешь, а ты отлично готовишь! Пловом я потрясён, кавардак – выше всяких похвал... Может, стоило взять тебя просто в качестве поварихи? – он думал, что немного юмора не повредит.

Наталья вскинулась. Лицо залила краска. У неё перехватило дыхание – словно она ужасно... Разозлилась?! Но – почему?! Что такого он сказал?!

Она наконец совладала с голосом, только чтобы выдать:
– Это... подло! Ты – свинья! Это, это... Самое мерзкое оскорбление, что я слыхала за все эти годы! И... и... Отвези меня обратно в Этернотеку – слышишь?! Немедленно!

– Да погоди ты, Наталья! – он развёл руками, – В чём дело?! Какое оскорбление? Мне просто... Просто очень понравилось, как ты готовишь – вот и сказал... Что хотел бы так есть всегда, если уж на то пошло... – он сглотнул, не зная, что ещё сказать. Потом выдавил, глядя на её закрытое ладошками лицо, и вздрагивающие в отчаянных рыданиях плечики:

– Да не плачь ты... Лучше объясни толком мне, туповатому и непонятливому – что тут оскорбительного?! И... И – извини, если сморозил какую-то глупость... – у него буквально горло перехватывало, и жар бросился в шею и лицо!

Она рыдала уже не так беспросветно. И режущий, словно ножом по сердцу надрыв в подвываниях, вроде, пропал.

Но когда руки отняла от лица, слёзы текли буквально ру-

чьём:

– Ты что... Проспект не читал?

– Читал. Ну и что? Где там сказано, что нельзя хвалить то, как ты готовишь?

– Чёрт... Дело не в этом. Хвалить можешь сколько угодно... Просто... – она покачала головой, потом глубоко вздохнула, словно выбравшись из-под воды, – А ты и правда не имел в виду... Ну, это... Что предпочёл бы, чтобы я тебе готовила, а не...

– Не – *что*?!

– Спала с тобой...

Он недоумевая посмотрел на неё. Потом понял. И не придумал ничего лучше, чем рассмеяться, схватившись за голову:

– Боже мой, Наталья! Да нет же – конечно НЕТ!!! Вот я баран... Ты уж прости – это получилось глупо и, и... Да, наверное, мерзко с моей стороны... Я... Не подумал, что *это* можно истолковать так! А вообще-то ты – самая желанная и сексапильная девушка, что у меня была! Я ни с кем ещё за ночь не... Четыре раза! Блин... Прости ещё раз! – он встал, и подошёл к ней, приобняв ещё вздрагивающее тело за плечи и спину.

– Свинья! Свинья-свинья-свинья! – она крепко прижалась к его животу головой, то колотя кулачками по спине, то прижимаясь ещё крепче, но рыдала теперь, хоть и сильнее, но скорее, с облегчением. Если это можно так назвать. Рубаха

на его животе вмиг промокла.

Он не придумал ничего лучше, как отнести её в ванну, где неторопливо снял с неё промокшую и грязную от пота, пыли и слёз одежду. Кинул всё в машинку – через два часа одежда будет как новенькая.

Затем включил тёплый душ, и поставил зябко ёжащуюся и шмыгающую носиком Наталью под упругие парящие струи.

Намылил мочалку, и нежно, а затем и куда активней, «обработал» девушку спереди и сзади. Особенно старался поаккуратней с маленькими ступнями – натёртые волдыри прикрывал пальцами. Он всё ещё вздыхал и качал головой.

Она вдруг остановила его руки.

Повинуясь красноречивому взгляду он скинул брюки и всё остальное. Залез к ней...

Теперь без мочалки водил ей по плечам, спине, тоненькой талии и упругой груди, постепенно опуская погорячевшие ладони к бёдрам и... Тому, что между ними.

Поворачивая её, словно послушную безмолвную куклу, подставляя все её восхитительные округлости и изгибы под горячие струйки, и сам не заметил, как стал приговаривать:

– Так, хорошо, а теперь – вот этот бочок... И спинку... А где у нас правая ножка?..

Правая ножка вдруг оказалась закинута ему на спину, а перед глазами возникло сосредоточенное лицо:

– Вы, Михаил Геннадьевич, прощения ещё не заслужили! А вот если хотите быть прощённым... – она откинула голо-

ву с мокрыми облепившими лицо волосами, и прижалась к нему – да так, что не понять намёк могло только уж вовсе бесчувственное бревно... А он таковым и не был!

Прижав её спиной к мягкому тёплому кафелю, он закинул вторую её ногу себе на бёдра уже сам, подстроился... Вошёл – не бережно и нежно, как прошлой ночью, а нагло и требовательно! Он с присвистом, тяжело дышал, хрипя и придерживая её за ягодицы, она, откликаясь на его движения, закинула руки ему на шею, и чуть изогнулась – ага, вот теперь всё как надо!

Он надал, сам удивляясь – откуда у него эта свирепость и страсть – вроде, только позавчера был педантичным и немного занудным зубрилой-трудоголиком...

Неужели чёртков психоаналитик со своими дурацкими рекомендациями *настолько* угадал?!

Почувствовав приближение конца, он зарычал. Наталья закричала тоже – тоненько, задыхаясь, и сотрясаясь всем телом... Боже, вот, оказывается, чего ему не хватало – такого крика, чтобы ещё и ещё!..

Наталья раскинулась по кровати в спальне, даже похрапывая – устала, вымоталась. Да и он... Приложил руку. Ну, или не руку!

Он решил почитать – не спалось.

Книга, которую она оставила лежать на кресле, называлась «Джеральд Даррел. Моя семья и другие звери». А-а, дет-

ская. Написана с юмором, и огромной любовью к животным, и чуточку иронично – по отношению к этим самым родственникам...

Он и сам любил её перечитывать. Но что нашла в ней Наталья? Вернее, почему именно эта книга – а не «дамские» детективы и имевшаяся на полке парочка мелодрам – заинтересовала её? Она любит животных? Возможно. Не зря же они ходили в зоопарк. Причём – она шла, даже преодолевая боль от волдырей и усталость в малотренированных ногах! А ведь там, в Этернотеке, их вряд ли заставляют много двигаться. И читать.

Насколько он помнил, за пользование библиотекой, причём представленной только электронной версией для айпадов, полагалось платить из заработанного... А старинных книг сейчас... Точно – нигде нет.

Не то, чтобы их запретили. Нет – они исчезли как то сами по-себе. Учебники и справочники состарились – их сдали в библиотеки. И затем, когда те тоже ликвидировали за ненужностью и невостребованностью – в макулатуру.

Художественная литература сразу не печаталась, а заносилась в электронные Хранилища. Откуда легко скачивалось, переписывалось. И т.п.

Ну а всё остальное, что хранили и оберегали энтузиасты и упрямы вроде его матери – ветшало, выгорало, разваливалось. Страницы становились сухими и ломкими, словно прошлогодние листья, крошились, и книга рассыпалась и дрях-

лела, пока её просто не отправляли в мусор. Наследники «домашних фондов».

Он свои книги (целых тридцать восемь штук!) холил и лелеял. Держал в зале, подальше от кондиционера – чтобы не дуло! Влажность поддерживал, как требовали эксперты – чуть выше тридцати процентов...

И всё равно знал – смерть книг неизбежна! Текст неумолимо выгорал и блёк, страницы обмахрялись и пачкались, корешки и переплёт рвались, и способа продлить жизнь раритетам он не знал... И новых купить негде. Правительство посчитало, что печатать такие, как прежде, книги – невыгодно. Да и правильно – сейчас почти никто не читает Литературу. А всё больше справочники, Руководства и Пособия – по специальности и работе.

Он открыл томик где-то на середине. Стал читать под мягким светом торшера.

Сам не заметил, как увлёкся – и вот уже смеётся и сострадает, радуется, и поражается – как велик и прекрасен Мир Природы! И с какой бережной любовью преподносит его древний автор! Сразу видно: тогда люди куда больше обращали внимания на то, что их окружало. А сейчас?... Он невольно поморщился.

Природа превратилась в «окружающую среду». Которую просто используют. Причём – нагло. Погоду изменить? Пожалуйста! Руду из недр вынуть – с большим удовольствием! Горы сровнять с землёй или насыпать новые – без проблем!

Поэтому и оскудели недра, и всё дороже даже обычная пластмасса – почти нет нефти, извлечённой даже из нефтеносных песков. А синтез углеводов влетает в копеечку! Молодцы вон америкосы – запасли в мамонтовой пещере на двести лет вперёд! Теперь диктуют всему мировому экономическому Сообществу...

Ближе к двенадцати он подлез под бочок к Наталье. Она не проснулась, только ротик приоткрыла, в полусвете ночника блеснули остренькие зубки: ну ни дать ни взять – сама как белочка... У неё и дикобраз – «нюська»...

Странная ему попалась женщина. «Категории Д5». Или... Может, они там все такие? Нет, вряд ли. Она говорила, что только она из всего потока захотела научиться готовить... А то, что ей нравится больше лес, чем Город? Странно, да...

Повернувшись на спину, он ещё долго думал, вслушиваясь в уже тихое сопение под боком. Хотел бы он, чтобы всегда оно раздавалось рядом? Хм-м...

Ответить трудно: прошло слишком мало времени. Может, у неё есть какие-то недостатки? Болтливость? Вредность? Может, сварливость? Почему она так мало раз была востребована? И – он обратил внимание! – никогда – повторно!

В любом случае рано делать выводы. Посмотрим, что будет дальше.

Утром его разбудил деловито-приторный голос будильника:

– Доброе утро, Михаил Геннадьевич. Сегодня понедельник, тринадцатое июня. Семь часов восемнадцать минут. Через сорок две минуты отходит ваш экспресс до Центра. Включить автоповар?

Даже не открыв глаза, он буркнул:

– Включай! – после чего застонал, развёл руки, потягиваясь:

– Чёрт! На работу – как на праздник! С бодрыми песнями и улыбкой...

Его привычный ворчливый монолог прервал весёлый голос с порога кухни:

– Можно и без песней. Ну-ка, давай умываться, и за стол!

Завтрак готов!

Ох ты... Как это у него выбило... Что он не один!

– Слушаюсь, Большой Босс!

Из ванны он вышел, на ходу зачёсывая короткую чёлку – после обработки феном она оставалась чуть влажной: чтоб лежала. Наталья встала из-за стола при его появлении:

– Привет! Против тостов не возражаешь?

– Нет. Тосты и бутерброды – моя традиционная еда...

Особенно когда до паровоза пятнадцать минут!

Наталья даже без макияжа смотрелась мило и свежо. Он подумал, что это тот редкий случай, когда женщине «боевая» раскраска, скорей, вредит. Однако с учётом вчерашнего опыта ограничился констатацией, а не дурацкими советами:

– Отлично выглядишь! Успела умыться, что ли?

– Ну так!.. Я на «вахте» уже с шести, лежебока несчастный. Что, зачитался вчера?

– Да, был грех... А ты что – уже прочла всю книгу?

– Прочла. Я читаю быстро: страница – двадцать секунд. Засекала. Обучили... Ещё там... – она неопределённо махнула головой куда-то назад. Он подумал что эту тему лучше не поднимать. Спросил:

– Ты, надеюсь, не обидишься, что я тебя оставляю тут на целый день одну?

– Без проблем. Не привыкать. Дочитаю, что найду, сготовлю ужин, посмотрю ящик – видишь, какая обширная программа! Тут уж не заскучаешь!

– Ну, отлично. – он запихал в рот последний кусок тоста с клубничным мармеладом, еле проговорил, стараясь не ронять крошки, – Тогда я побежал!

– Счастливо! А если мне захочется погулять?

– Да ради бога. Вон, на гвоздике у двери – второй комплект ключей. Код в подъезде – три-один-один. Деньги... – он торопливо пошарил по карманам, – Вот. Тут пара сотен. Хватит?

– Конечно. Ну, счастливо. – она, приподнявшись на носочки, несмело чмокнула его в щёку. Ему показалось, или она подмигнула?! Или это что-то попало ей в глаз?..

На свой экспресс он еле успел – пришлось долго ждать лифта, который ещё и полз до третьего подземного уровня

метро почти минуту. Однако втиснулся, поздоровался вежливо-равнодушным тоном со всеми, кто стоял у двери, и взялся за поручень, глядя привычно в черноту, скользившую за окном.

Ему казалось всегда, что более обезличивающего город и людей механизма, чем метро, не существует. Все стоят молча, деловые и собранные, концентрируют мысли и способности на предстоящем рабочем дне. Лица – словно застывшие раз и навсегда безжизненные маски без малейших признаков эмоций – как в театре Кабуки. Только вот нет деления на Злодеев, Красавцев и Добрых Старичков – все собранные и целеустремлённые... Рабы.

Да – они – рабы! Он не обольщался на этот счёт. После того, как всю работу, процветание Цивилизации и «дальнейшее развитие» Общества Потребления взвалили на плечи только мужчин, пропасть между этими самыми мужчинами всё увеличивалась. Конечно: каждый в любой момент может стать твоим врагом, твоим непосредственным конкурентом! Открываться, расслабляться нельзя ни на секунду – сожрут!

Пялясь невидящим взором в мешанину кабелей и стоек с крючками, то ускоряющих свой бег до сливания в чёрно-монолитную массу, то вновь распадающихся на отдельные чёрные нитки, когда поезд замедлялся или ускорялся от станции, он старался только не двигать желваками – заподозрять в очередном приступе социофобии. Или ещё какой гадости.

На третьей остановке он вышел, пожелав остающимся

удачного дня. Ему в спину прозвучали ответные вежливо-стандартные пожелания. Сволочи! А сами, небось, рады бы вонзить ему туда нож! Или хотя бы смачно плюнуть... Только то, что все друг за другом хоть краем глаза, но приглядывают, и удерживает!

Чёрт, похоже, у него опять начался приступ паранойи... Хватит! Вперёд!

Контора размещалась на тридцать восьмом этаже сто-этажной башни-монстра, вытянувшейся на два квартала. Ехать на лифте пришлось уже почти только с коллегами – он раскланивался, стараясь, чтоб голос звучал вежливо и приветливо. На каждом этаже, заказанном попутчиками, лифт вежливо позванивал, объявляя:

– Двадцать девятый, пожалуйста... Тридцать третий. Тридцать восьмой.

Он вышел, привычно посмеиваясь: «профессор Питсбург» и «мамаша Гудрун» сегодня опять проехали свой этаж, потому что увлеклись щипанием друг друга за... Все возможные места. То, что они любовники, давно ни для кого не было секретом. А то, что ещё любят подразнить, поэпатировать коллег своей голубизной, стало традицией и... Привычкой. Теперь «шалунам» придётся ждать лифта, идущего вниз, а для этого делать пересадку.

Шеф, заложив руки за спину, стоял у входа в Контору с вежливо-равнодушным видом, но это никого не обманыва-

ло: вредный бюрократ просто ждал опоздавших, чтобы навесить самую гнусную и занудную работу, да и из зарплаты вычесть – в «фонд отдела».

Присев за рабочий стол, Михаил вздохнул: фу, прибыл вовремя!

Однако «приключения» и «тернии» ещё не закончились: к столу подошли два известных шутника и гнусных карьериста, метивших на его место: Василий и Владимир, или Вальдемар, как его за спиной называли все, кто знал (а знали все) о нескольких нетрадиционных привычках мазогоя... Василий гнусно ухмылялся:

– О, кто это у нас пожаловал... Да ещё вовремя... Ну, как там «курс интенсивной сексотерапии»? Оторвал какую-нибудь Элитную красотку? Или проводишь традиционно – с помощью куклы из шкафа и левой руки?

Скотина мерзкая... В обычных условиях Михаил бы покраснел или побледнел от такой наглой провокации, да ещё сказанной так громко, чтобы слышала уж вся комната.

Но сейчас... «Наезжают» на его «девушку»!

Эта мысль позволила мобилизовать скрытые ресурсы желчи и находчивости.

И, поскольку он прекрасно понимал, что его ещё и провоцируют на очередной скандал, а значит, хотят просто сковырнуть с тёплого местечка, достойный ответ нашёлся достаточно быстро. И говорил Михаил специально погромче – пусть все слышат!:

– Спасибо, я в восторге от курса. Уж та-акая штучка попалась – я и забыл, когда последний раз делал два дубля подряд! А как сам – прошли уже прыщики?

Василий подрастерялся, о чём Михаилу сказали забежавшие выпученные глазки:

– Ка-какие п-прыщики?

– Ну, те, которыми тебя наградил последний твой... Дружок из отдела Сбыта! Я думал, что триппер-три сейчас лечится за сутки – до понедельника мог бы и успеть!

Лицо Василия пошло уже явственными красными пятнами. (Он явно не предполагал, что про его «новое увлечение» может быть кому-то известно! Особенно – Михаилу. Да ещё теперь придётся оправдываться перед «Вальдемаром»!)

Михаил с мстительным удовлетворением наблюдал за униженным и пришедшим в замешательство противником: раньше он не мог достойно встречать «психологические» атаки-наезды, над которыми парочка потом ржала втихаря, думая, чем бы ещё насолить хоть и не начальнику, но наглецу, получающему больше их за фактически почти ту же работу...

Ключевое слово – почти!

Ему явно не могли простить, что он делает её быстрее и качественней!..

Зато вот теперь парочке придурков точно найдётся о чём пошептаться во время обеденного перерыва, и подумать – особенно о том, откуда Михаилу стало известно про ново-

го любовника «из отдела сбыта»: прозвучал звонок к началу работы, и Василий, буркнув под нос: «ладно, всех благ!», отвалил к себе. Вальдемар, стоявший лицом к двери и Василию, и поэтому заметивший приближение Шефа раньше, успел ретироваться раньше.

Все в комнате опустили головы к клавиатуре и бумажкам на столах перед собой, или уставились в мониторы, срочно изображая деловую активность.

Михаил, внутренне торжествуя, хоть и смутно опасаясь новых поползновений, включил комп. Статистика, будь она неладна... Эффективность и целесообразность. И он – главный у них в отделе и Конторе по этой хрени помимо основной работы по расчётам.

Так, где это он в пятницу остановился... Ага – вот. Показатели числа Заказов за предыдущий год... Что там у нас было? Ноль два процента в плюсы?..

Нормально, только не совсем понятно, чем вызвано. Ну-ка, возраст респондентов.

Ого! Средний показатель упал на один и восемь. Это что же получается? Служащие молодеют? Ага, два раза. Значит, Руководство попёрло старичков на досрочную пенсию – хочет повысить эффективность... Хм-хм... То есть – грубо говоря на каждый год «молодения» персонала прирост производительности – одна десятая процента... Негусто.

И это – валовое число заключённых Сделок... А что там с числом переделок расчётов?

О! Выросло аж на восемь процентов! То есть – по факту производительность не поднялась – а упала! Причём за счёт требующихся серьезных переделок Проектов! Нужно срочно сообщить Шефу! Пока не выперли ещё кого-то из старых, опытных и собаку съевших...

К вечеру Михаил получил свою долю сдержанных похвал от Шефа.

И нагоняй (несильный!) и приказание молчать о полученных результатах от Шефа Шефа. Однако ещё не дождавшись ухода Михаила из своего кабинета, Большой Босс потребовал по селектору у кадровика личные дела всех уволенных за последние два месяца.

Дай Бог, может, кого помоложе и восстановят! Потому что эффективность и компетентность персонала всегда перевешивает потребность в «молодом и бодром виде», так сказать, «презентующим» «лицо» Конторы.

«Сладкая парочка» к Михаилу не подходила. Зато подошёл Динар – симпатичный пожилой татарин, хитро подмигнувший, и показавший большой палец, и точно так же молча удалившийся за свой стол, заваленный флэшками, папками и факсами. Михаил подмигнул в ответ, хотя и не знал, к чему относится одобрение – то ли к отшитым придуркам-соплякам, то ли – к грядущему возвращению стариков на рабочие места – здесь, в Конторе, ничего утаить невозможно, и все знают буквально всё через считанные минуты!..

Сплетни и клевета – любимые орудия интриганов. Да и вообще – клерков-чиновников.

Закончил он позже обычного – из-за собственного внеочередного Доклада, и автоматически последовавшего вызова к Руководству. Так что пришлось подгонять хвосты.

Однако сегодняшним днём Михаил остался доволен: он наконец-то перестал моргать и глупо похихикивать в ответ на наглые подколки, и показал зубы. Не говоря уже о том, что способствовал «повышению эффективности работы».

Поэтому домой приехал часам к семи. Уже подходя из лифта к своей двери зашевелил невольно ноздрями: аппетитные ароматы пирога и чего-то ещё вкусного разносились до конца коридора!

Он позвонил. Наталья открыла сразу – словно ждала за дверью...

Впрочем, может так и было? Если видела в окно его «Шкоду»...

– Привет!

– Привет! Как на работе?

– Э-э, рутина. Но возни с ней много. Как ты тут?

– Отлично. Давай – мой руки, переодевайся. Буду кормить и рассказывать.

За столом на кухне сидеть оказалось куда приятней: Наталья умудрилась расставить по-другому табуреты и чуть сдвинуть сам стол. Теперь свободного места оказалось вроде да-

же больше: подход к мойке и плите стал пошире.

– Наталья! – он «врубился», – А где гладильный автомат?

– Я его переставила в коридор. Занесу потом, когда... – она вдруг перестала улыбаться, и потупилась, – Ну, через... Уже – десять дней.

Он тоже почувствовал неудобство. Напоминание о том, что она здесь – гостя. Одна из... как она, возможно, думает. Да, она покинет его через десять дней...

Но ведь никто не запрещает ему взять её снова потом, когда денег наберётся достаточно. Или – в отпуск. Он сказал, словно ничего не произошло:

– Правильно сделала, что переставила. Он и нужен-то раз в месяц. Не бери в голову: я сам переставлю, если решу, что там неудобно. Ну, накладывай нам – я уже в коридоре учул... – он с вожделием потёр руки.

Она храбро попыталась улыбнуться:

– Ах вот так!.. А твои соседи не подадут на нас в суд за... Неправильные запахи?

– Нет! – он уже рассмеялся, – Это не так формулируется. «Нарушение права на чистый воздух». Или – «Насильственное навязывание чуждых личности обонятельных ассоциаций». Словом, мы твоей стряпнёй, типа как бы... возбуждаем лишний аппетит!

– Ага. Ну, это ты, наверное, переживёшь благополучно. В том смысле, что особенно не потолстеешь! А на соседей мне лично... Пусть жрут больше, если возбудятся... В смыс-

ле аппетита!

Она навалила ему полную тарелку аппетитно пахнущего варева. Он довольно долго не мог понять, чем оно таким знакомым... Пришлось спросить:

– Это... Что?

– Тю! Вот уж не думала, что не угадаешь! Каша-маша!

– Каша-маша? А что это?

Наталья казалась серьёзно удивлённой:

– Ну маш... Бобовое растение такое... Типа сои. Мешают с рисом и... Хм. Впрочем, может ты и не знаком. А в детстве? – он покачал головой, – Ладно. Я не нашла в запасах – пришлось сходить в гипермаркет, прикупить килограммчик. Вот, пробуй!

Он так и сделал. Горячее! И на вкус... Странно. Он и правда такого не едал.

Себе Наталья положила куда меньшую порцию, и теперь с аппетитом наворачивала, размазав по краю тарелки – чтоб быстрее остыло. Подумав, он и сам поступил так же. Они кушали, запивая чаем и заедая хлебом – похоже, она и хлеб купила особый, отрубной. Михаил уж и забыл, что такой выпускают – привык к пижонскому, белому... Однако и хлеб и каша ему понравились. Горячая только она очень!

Он ещё работал над своей порцией, а Наталья уже отнесла и вставила тарелку в заурчавшую мойку. Вновь присела напротив, подперев щеку ладонью, и посетовал:

– Нечего смотреть у тебя в ящике! Сплошь сериалы про

молодых да ретивых да успешных... Красивых и спортивных. Которые умней и усидчивей всех конкурентов... Совету про Здоровье... Да футбол с автогонками. Ну, ещё, конечно, расхваливают новые престижные тачки, гарнитуры, костюмы...

Научные каналы как-то выше моего понимания. Так что давай обсуждать литературу. Я уже успела прочесть всего Даррелла!

Ух ты! Действительно, хорошая скорость! Даррелла-то у него – три тома!

– Ну... Ладно, давай. Тебе что понравилось больше – как он про животных, или как – про людей?

– Про людей, конечно! Очень похоже, что он их, хоть они почти все его родные – слегка презирает!

– Это ещё почему?! – Михаил слегка опешил. Если честно, то примерно такое же впечатление сложилось и у него. Но это – *у него!* Который читал все книги Даррелла, и печатные, и ещё несколько – с айпада, раз по восемь, и сравнивал, конечно, с другими авторами...

– Ну – как же! Достаточно вспомнить, как он описывает дуру-сестру, или прибабахнутого брата-писателя, так ничего за все три тома и не написавшего. Ну, или мамочку – при всём уважении Джерри не забыл упомянуть, что она – любительница приложиться... И не к рюмочке. А, скорее – к стаканчику!

Зато вот местных греков он и правда, описывает с тепло-

той... Но это, скорее, просто потому, что они-то ему не мешали заниматься зверями! И даже учили. Зоологии.

– Хм... Можно, конечно, на это дело и так смотреть... А что скажешь о друзьях брата-писателя – ну тех, артистов-писателей-художников?

– О, да! Это – нечто! Особенно лысая женщина. Вот раньше странные нравы были, ну, до того, как... – она запнулась было, – Я хочу сказать, что сейчас такую женщину просто отправили на пенсию – и в Розвилли!

– А что, ты считаешь, что жизнь в Розвиллях хуже чем здесь?

– Нет. – она посерьёзна, – Там, конечно, дармовое обеспечение и замечательная природа... Теоретически. Но вот старики там, думаю, глубоко несчастны. Одиноки. Их же никто не посещает – только соседи по комнатам... Да ещё телевизор – вот и все развлечения. Словно ссылка. Ну, или – тюрьма. Только без решеток... Нет, Розвилльские Дома – не для слабонервных.

– Согласен, там должно быть жутко тоскливо. Получается, человек всю жизнь горбатился, или вот если женщина – то как вы там, в Этернотеке, работал над собой, а ему – Бах! – тычут в морду, что он – отработавший элемент! Перегоревшая лампочка. Занимает место более молодого и полного сил. И плевать на его опыт и знания, – Михаил сглотнул, внезапно осознав, что пытается оправдать свою сегодняшнюю попытку восстановить на работе старичков-ветеранов...

Ну а что такого? Пока могут – пусть работают! Они же будут носом землю рыть, выше головы стараться прыгнуть, только чтобы доказать свою полезность и работоспособность!

Нет, там, в Розвиллях, от человека почти сразу остаются «рожки да ножки» – от осознания никчёмности, не востребоваемости, да и отсутствия друзей, (которых, пока человек работает, таковыми можно назвать лишь с большой натяжкой... Но – всё-таки!..) все как-то иссыхают, тоскуют. И... Умирают.

А, может, цель Государства, Единого Общества в этом и состоит?

Чтобы отработавший элемент сам осознавал, что – всё! Спёкся! Обуза для Бюджета страны! И... Истаивал словно свеча, мучаясь этим самым осознанием?

Он знал статистику по долгу службы: никто из «отправленных на заслуженный отдых в места с отличным климатом и всеми бытовыми удобствами» не задерживался на этом свете долго. Женщины (они, кажется, устойчивей к стрессу. Да, собственно, жизнь в Этернотеках и приучала их к одиночеству и не востребоваемости. Большинство, во-всяком случае!) – не более двадцати. А мужчины – так и вообще – трёх-пяти...

Собственно, его всегда удивляла крамольная мысль: Ну а почему все – именно *так*?!

Почему там, в Розвиллях, проживание тоже отдельное,

так, что между посёлками мужчин и женщин десятки километров и непроходимая тайга или джунгли? Может, чтоб не «скрашивали друг другу жизнь», не соединялись в «пары», и не жили таким образом дольше? Не тянули на себя деньги из Бюджета?

– Ну, это у вас, мужчин, Производителей и Созидателей – «опыт и знания!». А у нас – что?

Какой «опыт» я смогла бы передать? И – главное! – кому?! Всех нас там, в интернатах, прогоняют по единой Программе, стригут под одну гребёнку, и одевают в единую одежду! А вот только потом, при формировании Предопределения, начинается «узкая специализация»: эти – «элитные самки»... А эти – так, шваль всякая, годная только ножки пошире раздвигать! – её лицо пошло красными пятнами, и несмотря на сдержанность в голосе, он понял, что она на грани срыва, – Мы для вас теперь – ВЕЩИ!!! Продукт потребления!

Это – как в гипермаркете: захотел колбасы – вот она! Захотел секса – поехал. Купил! Или... Ну – в том же зоопарке: пошёл, посмотрел, если понравилось – выбрал, использовал, покормил.

Михаил вскочил. Кулаки сжались сами собой:

– Так ты... Ты!.. Почему сразу не сказала, что тебе – противно?! Я бы... Вернул тебя назад! С наилучшими рекомендациями, и полной оплатой всего срока!

Она долго молчала, уткнувшись в ладони лицом.

Но когда оторвала их от него, слёз не было:

– Прости. Я... Не хотела тебя обидеть. Я знаю – я несдержанна, и часто порю чушь... Или то, что думаю. Меня и там, в интернате, часто «изолировали с воспитательными целями»! Карцер, словом. Чтобы не задавала неудобных вопросов. Не подавала отвратительный пример. Не спорила с воспитательницами. Однажды меня даже искусственно выкармливали, когда ничего не ела, и хотела... Неважно.

К тебе лично ничего из сказанного не относится. Просто я...

Как бы почувствовала в тебе родственную душу – ты живёшь по заветам матери, читаешь старинные книги... Ты смог бы, наверное, понять меня.

Только – зачем?! Зачем я буду всё это на тебя вешать? Словно у тебя нет своих проблем? Сволочей там, на работе. Сволочей здесь, в соседних квартирах. Сволочей в Правительстве, что хуже всех остальных...

Это они, они – сделали из тебя добросовестно-безликое колёсико в государственной машине, а меня, да и всех других дур за стёклами клеток – чем-то вроде смазки... Чтобы механизм машины работал лучше... Эффективней!

– Наталья! – он и правда был ошарашен, – То, что ты говоришь, это же... Это...

– Да – Мятеж. Бунт. Торнадо... В стакане с чаем... Запрещённые речи. Крамола по-полной... Ну, можешь сдать меня обратно – я не в претензии...

– Да нет, балда ты такая. – он усмехнулся, – Я не об этом!

Не сдам я тебя никуда, конечно... Просто ты так... Так конкретно, чётко и связно излагаешь – словно брала уроки Риторики. Или прослушала курс политической Экономии. Красноречива, прямо как какой-нибудь Цицерон!

– Это еще кто? – она выглядела слегка рассерженной.

– Э-э, неважно – оратор один древний. Просто... Ты не похожа на... Подпольщицу. Мятежницу. Феминистку, – он пояснил, видя её недоумённое качание головой, – Ну, ту, что борется за восстановление прав женщин. Ты где-то что-то читала? Ну, обо всём этом?

– Нет. Я... Да и где бы я могла прочитать?! Все файлы по истории Единого Общества засекречены, а доступна только история Средних веков... Да фараоны-римляне всякие...

И там, в Интернатах, никто, конечно, про то, как это всё было до строительства Этернотек, не рассказывал. А просто – заставляли зубрить и вбивали, какова наша роль в Обществе Потребления: повышать вашу производительность – мать её!.. – труда!

И – «скрашивать серые будни производителей лаской, заботой и оздоровительным сексом!».

– Ага, ясно. Правда, я и сам... Не слишком-то хорошо знаю, как это было до, – он кивнул за спину, – того, как... Стало вот так. Но кое-что всё-таки узнал. Я же – статистик. А статистика обязана знать всё, чтобы способствовать этому самому... Повышению эффективности! Рассказать? – он и сам не ждал от себя такого предложения!

Она вдруг приободрилась, и почти с теплотой взглянула на него. Злости и отчаяния затравленного зверька в глазах уже не было. А только любопытство: похоже, поняла, что он и правда, её не «сдаст»!

Кивнула.

– Ну... Точной даты не вспомню, но века два назад была такая телепередача... Как викторина, что ли. Туда приходили неженатые мужчины. А профессиональные подборщики должны были им выбрать жену. Да-да, раньше всё это так и называлось – вступить в брак. То есть – мужчина и женщина должны были всегда жить вместе, в одной квартире. Заниматься сексом. И воспитывать детей. Правда, я знаю, раньше и женщины тоже...

Работали. И не на «подсобных» должностях – а нормально! Полный рабочий день!

– Ты что – серьёзно?! – глаза у неё расширились.

– Да уж куда серьезней... Понимаю, звучит глупо. Однако у меня где-то в архивных данных есть выкладки – расчёты эффективности женского труда. Потом, когда выяснилось, что он втрое-вчетверо хуже (Ну, этот показатель!), кто-то решил, что женщинам лучше уж сидеть дома, и не работать вообще. Статистика за сто с лишним лет показывает, что Производство только выиграло. Оказывается, женщины чаще болели, а когда рожали – вообще на несколько лет полагался отпуск, Ну и... Не слишком-то они напрягались на работе!..

Так что когда все стали домохозяйками, промышленность, сфера услуг, медицина, образование и всё прочее стремительно рванулось вперёд. Мужчины уж постарались. Но вот потом... Потом получилось, что труд домохозяек полностью взяли на себя автоматы – он кивнул головой, – посудомоечные, стиральные, автоуборщики, автоповара. Ну, я-то своего обычно отключаю на выходные и сам... Неважно. Важно, что женщины, сидя дома, уже могли вообще ничего не делать.

Почему мужчины потребовали убрать женщин в Этерно-теки, я не знаю. Возможно, от вынужденного безделья многие женщины... Как бы это сказать... Дурели. Начинали скандалить по пустякам. Цепляться. Трепать нервы. Словом, точно не знаю.

Ну, кустарными-то и «народными» средствами Институт Брака расшатывали и обходили давно: всякие там «гражданские» браки, «гостевые», браки по Контракту – это когда без совместного имущества... Однако всё это ерунда, частности.

Я точно знаю, что революция на государственном уровне началась, когда кто-то из Боссов Компании БМВ повёл политику полного «официального» искоренения женщин на своём заводе. А потом и другие гиганты промышленности присоединились. Заставили своих рабочих и служащих писать письма в Правительство, петиции – с жалобами на то, как дома им не дают нормально отдыхать... Перед следующим рабочим днём. Потребовали ограничить права неработаю-

щей прослойки – лишить их права избирать, владеть имуществом, воспитывать детей... И так далее. Уж не знаю, сколько в этих петициях было правды, а сколько – демагогии...

Но вот когда сотнями тысяч таких запросов и заявлений завалили разные подкомиссии Госдумы и Правительства, оно... Зашевелилось. Особенно когда в него прошли избранные именно за эту Платформу – «социальную защиту и спокойствие предпринимателей и трудящихся», деятели!

И именно эта самая передача, где женщин подбирали по индивидуальным параметрам, и разработала Программу всеобщей Этернизации, когда каждый Полноправный Избиратель просто мог бы выбрать партнёршу – уже без всякого брака, а лишь на время.

Раньше, говорят, был такой сервис – девочки на дом. То есть – проституция. Вот всех этих девочек для начала в Этернотеки и подгребли. А потом – и домохозяек, на которых написали Заявления их мужья.

Стали сдавать их в аренду централизованно, от лица Государства.

Всё это стало возможным после принятия Закона Лосева-Жириновского, запретившего принимать женщин на работу. И Закона Дусеева. Который запретил женщинам владеть собственностью. Как неработающим. Ну, как когда-то было на Востоке...

В деталях всего не знаю, но часть материалов обо всех этих событиях погибла, или была намеренно уничтожена

в ходе Первого и Второго бунта Фундаменталисток... Там, вроде, содержалась информация о том, что было, и как, о выступлениях, как раз феминисток, и других. Законных и незаконных попытках женщин вернуть себе Права и свободы...

Законные запретили. Указом. Как происходило подавление незаконных, я не знаю.

По слухам – жестоко. Говорят, демонстрации попросту расстреливали и травили участниц газом. Вызывавшим бесплодие, сумасшествие и даже смерть... Вот тогда-то и погибло до половины всего поголо... э-э... Извини – половина женщин погибла.

И вот теперь у нас по расчётам – шесть мужчин на одну женщину. Такое соотношение оптимально для... Баланса. Да оно и понятно: зачем Государству кормить лишние рты? Детям и пожилым мужчинам – не до женщин. Остальные... Пару раз в месяц. Все это и рассчитала *Статистика*.

Вот. Примерно так.

Ах, да – конечно, всё это стало возможно только после появления методики Йоши Такуро, первым вырастившего эмбрион вне матки, оплодотворив вырезанный яичник «в пробирке». Кстати – яичники вырезают, насколько я знаю, у всех. Лет в пятнадцать.

Наталья автоматически помассировала крохотные шрамы на животе:

– Да. Нам... Объясняли, что рожать – дикая боль и воз-

можная смерть!

– И это – правда. Та же статистика так и показывала – две из трёх женщин проходили через операцию «кесарево сечение» – это когда роды идут не естественным путём, а ребёнка вынимают через разрез в животе... – она скривилась, как от зубной боли, и Михаил уж подумал, что её сейчас стошнит... Однако Наталья удержалась. Позеленела только.

Он быстро продолжил:

– Да, это болезненно. Но рожать «естественно» – ещё мучительней!

Но – что же нам было делать?! Поскольку медицина позволяла сохранять жизни и больным, и с узким тазом, и старым, и со всякими отклонениями, рожать естественно уже никто не хотел. Да и не мог! А работники Обществу нужны. Произошел, типа, «искусственный отбор». Красивые, желанные женщины – не могут родить сами. Естественным путем. А те, кто могут... Ну, как бы это сказать... Не столь красивы. И желанны. Парадокс!

Так что методика развития «ин витро» сейчас общепринята. Я – пережиток эпохи. Монстр. Быть может – последний «нормально» рождённый мальчик. И как мне кажется, именно поэтому мать и умерла...

Раньше обычного срока! Впрочем, может и Дух, атмосфера Розвиллей виновата...

– И – что? Получается, сколько и какого пола рождаются... Тьфу ты – вылупляются! – теперь определяет только

Правительство?

– Да, так и есть. Всё решают специальные Комитеты планирования контингента. Предоставить расчётные данные для этого Комитета – как раз моя работа. Определять, на какое производство, или в какое Учреждение сколько надо: чиновников. Инженеров. Рабочих, сторожей, продавцов, учителей-наставников...

Женщин для Этернотек.

Так что Общество самодостаточно. И стабильно. Защищено от кризисов как перепроизводства, так и – перенаселённости.

– Звучит жутко. Словно на свиноферме планируется поголовье...

– Всё верно. Примерно так и обстоит дело. Мы – свиньи. Или – куры. Кому как нравится. Только мы – куры разумные. Поэтому стараемся пролезть поближе к кормушке. Подлизаться к высшему. Плюнуть на нижнего. Клонуть ближнего. Дарвин!

– Какой Дарвин?

– Ну, учёный один. Старый. Создал учение, что выживает сильнейший и приспособленнейший. Неразборчивый в средствах, подлый, расчётливый, готовый идти по головам, и перегрызть глотки конкурентам... Самый мерзкий гад, короче!

– Я думала, ты... преувеличиваешь. Так у вас там что, реально – борьба за выживание?

– О, ещё какая! Говорят, первым администратором, введшим принцип вседозволенности в борьбу между конкурентами, считается Гитлер. У него многие Ведомства дублировали работу друг друга, и выживало сильнейшее и подлейшее – то есть то, что сумело переманить ассигнования, и задушить соперничающее.

Вот именно это сейчас и происходит в Обществе Потребления. Правда называется по-научному: «саморегуляция организационных процессов». Даже наше ведомство «сожрало» минимум две подобные Конторы. И это – только при мне!

– Подожди-ка... Не поняла. Вы что же – мешаете друг другу работать?

– Нет. Не в открытую. Мы только стараемся доказать вышестоящему Начальству, что наша Фирма, наше Объединение, или Контора – эффективней. Производит больше продукции... Или – рассчитывает всё, что надо рассчитать, или там, продаёт, (если это что-то связанное с продажами) – лучше, дешевле и быстрее, чем у Конкурентов.

И тогда Государство проигравших расформировывает, а нас поощряет. Премиями.

– А куда идут те, которых... Расформировали?

– Как – куда? В другие Конторы, Фирмы или Объединения! А если у них опять не получается, их снова... Ну, и так далее – пока не смогут достойно бороться! Но такой прорыв случается редко. Как правило, те, кто закрепился на рынке,

уже не уступают. А Государству это выгодно: если уж кто-то сможет превозмочь такую Систему, и пролезть – значит, метод работы придумал ну *очень* эффективный! И выживает! И уже остальные думают и изобретают: как бы переплюнуть!..

– Когда я тебя слушаю, становится как-то... страшновато. Получается, хорошо, что женщины далеки от... От всей этой грязи, крысиной возни. Словно – бег в мешках! Вы же, наверное, не доживаете до пенсии с такой нервотрёпкой!

– Твоя правда. По той же статистике средняя продолжительность жизни мужчины – пятьдесят шесть лет. До пенсии доживают двое из трёх. И в Розвиллях живут... Не больше, чем ещё года три-четыре. Опустошённые и вымотанные. Теперь тебе понятно, почему сейчас женщинам в сфере производства, да и любой другой – места нет?

– Да понятно-то мне не только это... Ты хорошо объясняешь. Но...

Думаю, вам, особо ретивым и амбициозным, и женщины-то как таковые не нужны. Да и некогда. А кому совсем уж приспичит – вон, резиновая кукла: быстро и дёшево!

Михаил почувствовал, как краска заливает щёки и шею:

– Нашла?!..

– Нашла, конечно... А чего её искать – из того ящика, куда ты её сунул, отлично слышно писк речевого адаптора: «Хозяин! Зарядка закончится через двое суток! Картридж необходимо заменить!»

Михаил рассмеялся – тон, которым это было сказано, дей-

ствительно, напоминал «кукольный» голос его «Виктории», модель СПб – 27.

– Ну и что ты сделала?

– Что-что... На зарядку поставила, что же ещё. И картридж сменила. Пользуйся на здоровье! Мозоль только не натри на... Этом месте! – она дёрнула плечиком, зыркнув сердито ему в глаза, а затем отвернувшись к окну.

Ах, вот оно что... А он-то недоумевал. Чего она такая взвинченная! Сердитая. Ершистая сегодня. Ревность?! Ревность – к резиновой игрушке?! Хм-хм...

Впрочем, кто поймёт этих женщин – возможно и такое. Причём – на полном серьёзе. Психология изолированной от социума особи вообще непредсказуемая вещь. А уж тем более – психология женщин. Всю жизнь сидящих за стеклом. И только на несколько дней – ну, пусть – месяцев! – в году оказывающихся «при деле».

– Спасибо. Извини. Я... Должен был, конечно, выключить её и убрать. Получилось как-то... Неприлично. Прости.

– Не извиняйся, всё нормально. Подумаешь! Один из моих... Прежних – тот вообще не мог со мной, если предварительно не... Возбуждался на куклу! Два других – так вообще: просто жили параллельно, так сказать: ночь со мной, ночь – с куклой.

Так что – фигня! Я переживу.

Михаил подумал, что её-то психика, пожалуй, поустойчивей, чем кажется с первого взгляда... Или это – попро-

сту бравада обиженной девочки, которой обещали конфету, а дали – пустой фантик... Наверняка Образ его личности сильно упал в её глазах, когда эта мерзавка запищала из ящика...

Он встал из-за стола:

– Извини всё равно. Я должен был подумать об этом. Пойду отключу.

– Если не хочешь – лучше не надо. Ведь тогда её личность, которую ты сформировал для процессора приказами и коррекцией, пропадёт. И тебе придётся начинать снова с нуля. А это, наверное, долго и трудно.

Смотри-ка, она типа заботится о нём... Нет, разумеется, она понимает, что она с ним – не навсегда, и что использование кукол всеми половозрелыми мужчинами обязательно, как обязательна и ежемесячная сдача спермы... Но.

Но наверняка вынимала посмотреть: насколько типаж соответствует её.

– Всё равно отключу. Не так уж и долго. – он прошёл в кабинет, вынул куклу из ящика.

Да, зараза – хоть и подключена, ещё мигает оранжевым, «просит каши».

Он щёлкнул основным тумблером на затылке блондинки с лицом Ванессы Миррор, чего не делал... Да, лет пять. Ну и ладно: всё равно после Натальи он не сможет по-старому...

Или – сможет?

– Я – мыться, затем буду смотреть ящик, наверное. Ты...

Как?

– Я помоюсь после тебя. Потом в постельку. Баиньки. Надумаешь – присоединяйся.

Он кивнул, прошёл в спальню, достал из шкафа свежее полотенце. Наталья, пока его не было, успела прибрать со стола. А сейчас, подперев ладонью подбородок, наблюдала, как чёртов автоуборщик сердито похрюкивает трубкой всасывательного хобота, вертясь вокруг ножек, и подбирая крошки с пола. Халатик чуть распахнулся, обнажая... Хмм... Ну – ни дать ни взять – уставшая домохозяйка двухвековой давности...

Мылся сегодня Михаил с особой тщательностью.

Хотя и понимал, что увеселений скорее всего не будет. Наталья обижена. И поделом: ему самому понравилось бы, если б его пригласила дама, а из шкафа выпал бы искусственный член куда больших, чем у него, размеров?..

Впрочем, нет – неверно. Так сравнивать нельзя! Потому что ситуация невозможна: у женщин Этернотеки нет возможностей кого-либо приглашать «в гости»! Они же нигде не живут! А место, где их выбирают – просто предоставлено им. Да ещё за арендную плату. А когда подходит их возраст – переводят в Розвилль. Как, впрочем, и мужчин-безработных. И стариков. Да... Ему до этого возраста осталось не так много.

А потом – он знал! – смерть от безысходности. Ненужно-

сти. Тоски. Бр-р!..

Он сердито сплюнул в сливное отверстие: что за чушь! Расклеился! Подумаешь – «обиделась»! Он же всегда может отвезти её, и выбрать другую.

Вот только хочет ли. Так поступить... Что это – как не предательство?!

Он выключил воду. Стал сердито растираться, делая спине горячо – ай, больно!

Да что же это с ним? Разволновался, как мальчишка, впервые увидавший женскую обнажённую грудь! Хватит. Телевизор ждёт его.

Натальи в зале не было – ушла в спальню. Он включил второй спортивный – о! Отлично попал, как раз к началу! Англия – Уругвай. Весёлые ребята: одни – текущие чемпионы мира, другие – прошлого сезона!

Пока диктор бодро-экзальтированным тоном, только что не захлёбываясь, объявлял составы команд, Наталья прошла за его спиной в ванну. Включила воду. Он заставил себя сконцентрироваться снова на игроках, вдоль ряда которых двигалась камера на выдвижной штанге. Стадионы сейчас в тысячу раз лучше оборудованы именно для высокотехнической игры, поскольку зрителей на них давным-давно нет. Все сидит по домам, на мягких креслах, и с пивом и солёными орешками, или чипсами в руке...

Почему же он никак не может сосредоточиться на начавшейся Битве Титанов?

И всё прислушивается: вот, она отключила воду. А сейчас, наверное, вытирается. А сейчас... Позади него открылась и закрылась дверь, чуть слышные шаги прошуршали и скрылись в спальне. Там зажётся бра у кровати – наверное, она захотела немного почитать. Ну и ладно – ложиться ещё рано. Только полдесятого. Он посидит хотя бы до одиннадцати – до конца матча.

А почему, собственно, он должен сидеть, если ему не смотреться?! Можно же переключить чёртов футбол на что-то познавательное, или на природу...

Пульт помог пробежаться по всем ста четырём каналам основного Пакета. (Большой ему не по карману. А если честно – ему и эти-то смотреть сил не хватает...)

Ничего. В-смысле, ничего путного. Футбол, плавание, гольф, чемпионат континента по лёгкой атлетике... Сериалы. Точно: про ретивых, креативных, успешных. Скучища.

Так, устройство вселенной. Планеты. Нет уж – лучше коллекционные машины. Нет – сегодня тут тоже скучно: какие-то совсем уж вымершие динозавры из двадцатого века: «Астон Мартин», «Ламборгини»... Он и названий-то таких не помнит...

Щёлкая пальцем по клавише, он всё ещё невольно прислушивался, искоса бросая взгляд на полосу света из открытой двери, поймал себя на том, что и звук сделал потише... Ладно – посмотрим на красоты подводной природы Большого Барьерного Рифа – это всегда успокаивает. Осо-

бенно под классическую музыку...

Минут через десять ему надоело изображать заинтересованность телевизором. Он выключил его. Прошёл в спальню, скинул домашние штаны, залез к Наталье под бочок. Он знал – она ещё не спит. Только что свет погасила.

Однако она не спешила повернуться, или что-то сказать. Он, подумав, что негоже первому налаживать контакт – словно он в чём-то виноват! – лежал молча на спине, привычно ощущая ею, как массажные механизмы легонько перебирают пружины и поверхность матраца под ним.

Он уже почти заснул, когда его вдруг схватили за предплечье, и в ухо ткнулась нежная пуговка носа:

– Михаил! Хватит делать вид, что спишь!

Скажи мне, только честно! Я... Лучше твоей куклы?! – на его чресла вдруг снова надвинулась тёплая и горячая ножка.

Ну, на такой вопрос мог быть только один ответ...

Но давать его, и доказывать правдивость пришлось часа полтора!

Утром он встал сам, до гнусоватого голоса будильника. Натальи уже не было, а из кухни вновь приятно пахло.

Завтрак прошёл бодро, Наталья храбро обещала «что-нибудь сготовить вкусное», и он вышел за порог, удивляясь, что чему-то улыбается, словно идиот! А и правда – чувствовал он себя... Хорошо!

На работе его ждал сюрприз!

Все файлы из стационарной персоналки оказались стёрты. Ага, уж он-то догадался, чьих рук это может быть дело.

Бедняги. Они не работают здесь и четверти того срока, что он. А уж полезными связями с такими же как он, старичками, даже и обзавестись не догадались...

Предупредив секретаря Шефа, что поехал разбираться с таинственным исчезновением инфы, он спустился на лифте в подвал. Затем по лестнице спустился ещё на три этажа. Провёл карточкой доступа по панели бронированной двери. Загорелся зелёный, дверь зашипела, и приоткрылась.

Он не гордый – дооткрыл её руками. Вошёл, захлопнул за собой полутоннотонную махину. Полутёмный коридор привёл в диспетчерскую.

Тут, за пультом с сотней мониторов на поделённом на сектора огромном светодиодном экране, сидели трое.

Кто это сегодня у нас? А-а, Петрович.

– Привет, Петрович, привет Саша, привет, Фёдор!

Два близнеца, сидевшие слева и справа от Главного, повернулись и бодро помахали ладонями. Петрович медленно встал, и протянул ладонь. Михаил пожал её.

– А ты, похоже, становишься популярен. Я (ну, вернее, программа!) вчера отследила совещание, на котором твоё имя упоминали девять раз. А сегодня с утра – двух чудиков, которые что-то сделали с твоим компом. Думали, наверное, идиоты такие, что раз вахтёр на входе спит за час до начала работы, и мы здесь тоже дремлем... А ещё пытались завесить

камеру тряпкой – ту, которая на потолке. Фальш. Дебилы, точно. Ну-ка: посмотри запись!

Петрович вернулся за пульт, и нажал несколько клавиш виртуальной клавиатуры.

Да, всё – как на ладони. Настоящая камера комнаты не видна. Да её и профи не найти без спецтехники. Но разрешение!.. Вот два «оскорблённых в лучших чувствах» придурка встречаются на стоянке за час до работы... Вот – входят. Вот занимаются его компом.

Войти-то в его документы, конечно, не могут... Ну ничего: остаётся всегда старый механический способ: можно открыть кожух, отвинтить четыре шурупа, и вынуть матрицу памяти. После чего пару раз шарахнуть по кристаллу молотком!

Дебилы. Им пришлось сходить за веником, чтоб убрать осколки.

Какой он умный! Или – учёный. Каждый день скидывает все данные и документы на флэшку, и уносит её с собой!

– Петрович, с меня причитается! Сколько?

– Ну... Давай на три: всё-таки их – двое! А нас тут – трое!

Они привычно поржали. Михаил вынул три бумажки по десять червонцев, и вручил просимое в протянувшуюся ладонь:

– Спасибо! Скинешь?

– Уже скинул. Флэшку только вернуть не забудь!

– Само-собой! Ну, чао!

Наверху Михаил попросил секретаря доложить Шефу о срочном личном деле.

Через какой-то час два вспотевших придурка с красными пятнами на лицах покидали офис, бросая на Михаила недвусмысленные взгляды, и играя желваками на скулах. Пометки о «антисоциальных действиях в отношении коллег» и «преднамеренной порче казённого имущества» намертво были впечатаны в послужные списки «заговорщиков».

Пожизненная Деклассация не позволит им занять «тёплые места».

Михаил широко улыбался. Он не боялся «расплаты», или мести.

На пространстве, контролируемом видеонаблюдением (Девяносто процентов города и сто – любого здания!) он её не боялся по причине того, что следующая ступень – понижение статуса «проявивших физическую агрессию в отношении коллег», вплоть до чернорабочих.

А там, где видеокамер не имелось, целиком полагался на свою выучку: три занятия в неделю. По два часа.

Восемь лет регулярных тренировок джиуджитцу и боевого самбо. Это – пострашней любого каратэ! Разве что нападающих будет больше восьми...

Хотя вряд ли у деклассированных до второго Уровня хватит средств нанять столько боевиков.

А уж тем более – профессионального киллера с незасве-

ченным стволом.

Порядок. Похоже, их подразделение отделалась от двух амбициозных, но глупых сопляков. Ладно, пусть пробуют себя в увлекательнейшем бизнесе по разгрузке вагонов...

Дальше работа пошла как по маслу. До конца дня его подчинённые завершили Проект, который должны были сдавать только в пятницу. Хм... Может, ещё кого выгнать?! Вот как подстёгивает остальных!..

Ладно, он и так доказал свою профпригодность, и высокую приспособляемость к «жёстким реалиям сегодняшнего мира бизнеса». Прощался он с подчинёнными кратко и вежливо. Но, когда все ушли, скинуть всё сделанное сегодня опять на флэшку не забыл...

Наталья приготовила суп-харчо.

И вид, и вкус вполне соответствовали. Хотя раньше Михаил такого не едал, но оказался приятно удивлён. Картофель, оказывается, может и остаться цельным, и быть одновременно очень нежным... А уж мясо барана наполняет таким... Таким... Силой, короче!

Однако сегодня они ещё решили немного посмотреть вместе телевизор.

После долгого препирательства-уступательства остановились на тех же видах Природы – на этот раз джунглей с порхающими попугайчиками и бабочками, и нереально нежных изысканных орхидей, растущих и на стволах, и на лианах...

От цветов Наталья пришла в восторг и лёгкое обалдение:

– Ой, ты посмотри-посмотри!.. Какие цвета!... А форма – О-о! А вот эта-то, вот эта!.. Господи, как бы я хотела такую... Потрогать хотя бы!.. Или понюхать!

Михаил щёлкнул кнопкой на пульте. Активировалась услуга «Адаптивные запахи». Пусть она стоит недёшево – но чего не сделаешь, чтобы поразить соседей! Ну, и девушку!

Девушка заохала громче, а потом и вовсе перебралась поближе к чёрному ящику, синтезировавшему, и через сеточку в передней панели с фыканьем и шипением выбрасывающему все эти ароматы и миазмы...

Затем джунгли кончились, и начался какой-то исторический экскурс в древний Рим. Тут уж пришлось снова искать что-то другое: медный запах крови, дыма и пота от римлян, убивающих варвароподобных, волосатых и грязных врагов, как и вид самих «мужественных» легионеров, сверкающих своими «лорика сегментата» на солнце, словно зеркальные карпы, раздражал их обеих.

Посмотрели сюжет о картинной галерее музея Прадо. Это Наталье понравилось:

– Боже! Какие толстые фигуры! А как хорошо нарисованы!.. А что – все эти бабы и правда были такими кривоногими?!.. – он только фыркнул, – Ну, зато лица... Холёные. Кисти рук – крохотные... Явно аристократки – не работали ни дня! Видишь – уже тогда многие женщины не работали!

Михаил удивился:

– Так ты – что? Отказываешься от своих убеждений? В том смысле, что работать надо всем? Как триста лет назад?

– Н-ну... Нет, конечно. Но если честно – работать никто не любит!

– В самую точку! – он даже причмокнул. – А любят все – только развлечения!

Кстати, как там у нас сегодня с этим? Что-нибудь особенное?

– Да. Я приготовила тебе песню! – и, на его расширившиеся глаза. – Выключи-ка звук!

Он так и сделал. Заодно вырубив и ароматизатор. Да и весь телевизор! Нечасто ему готовят песню!..

Наталья вышла на середину комнаты. Хлопнула в ладоши над головой, призывая, очевидно, аудиторию ко вниманию. (Впрочем, аудитория и так целиком!..)

– Песня о Стеньке Разине! (Ну, это – народная. Фольклор, так сказать!)

Она начала низким, чуть хриловатым голосом, плавно раскачиваясь в такт, и постепенно освобождаясь от одежды:

– «Из-за острова на стрежень,
на простор речной волны...»

Михаил невольно представлял себе и волну, и челны.

И здоровенных бугаёв, обвешанных старинным оружием, и принципиально не желавшим работать, а желавшим только нахалюву всё грабить, попутно убивая всех несогласных просто так отдавать нажитое и заработанное кровью и потом

добро... Чтобы потом всё это всей шайкой прокутить.

Словом, песня оказалась отнюдь не про «эффективную работу», и «железную самодисциплину», как теперешние. Ну, и, само-собой, не про любовь.

Однако потом от содержания песни он как-то невольно переключился на уже только созерцание.

И когда дело дошло до «...грянем песню удалую за помин её души!», уже практически реагировал только теми органами, в которых ушей ну точно не было...

Наталья так и поняла, когда он заёрзал, что сеанс пения удался, и поспешила пробежать в спальню, приостановившись на пороге, вильнув тем, чем положено вильнуть, и бросив через плечо красноречивый взор...

Чёрт! А огромные у неё, оказывается, глазищи – в поллица! Чёрные, глубокие...

Затягивает, словно магнитом!..

Магия Женщины?!..

Сопя и вождедея, Михаил поспешил продолжить изучение фольклора.

Но уже – в более приватной обстановке.

Пятница прошла спокойно.

Поскольку Проект завершили и успешно сдали, Михаил разрешил своим уйти на час раньше, предупредив Шефа о «новом хитром» способе поощрения производительности труда... Шеф не возражал – если работа идёт, пусть пораду-

ются детишки...

Вечером, выковыривая зубочисткой буквально глыбы мяса после замечательной Тхундульмы, (тушенные овощи внутри мясного рулета!) он впервые решил спросить:

– Наталья. А куда бы тебе самой хотелось поехать отдохнуть на выходные?

Она почесала затылок, затем отдернула непроизвольно руку:

– Извини. Дурацкая привычка детства. Может, в Луна-парк?..

– Луна-парк, так Луна-парк... Только придётся снова в кроссовках.

– Договорились!

Луна-парк подавлял.

Михаил знал, конечно, что это – просто чудовищно увеличенный, и оснащённый по последнему слову техники, Диснейлэнд. В котором взрослые мальчики могут и пострелять, играясь в спецназ. И на лошади поскакать – уже как ковбои. И с динозаврами врукопашную схватиться, и в пещере с сокровищами сокровища найти, и злющих пиратов, охраняющих их переколотить... Причём всё это абсолютно достоверно. И – абсолютно безопасно.

При входе висела гигантская интерактивная карта, и стояли мониторы с картами поменьше – со звуковыми или текстовыми пояснениями. Наталья выбрала со звуковыми:

– Когда я читаю, я хуже запоминаю! – ага, автоматически отметил Михаил, аудиомоторная память. Сам он прекрасно помнил план и основные аттракционы. Ещё бы: каждый День Статистика шеф «корпоративил» здесь – оплачивая целый день дуракаваляния всем... Оправдавшим ожидания!

– ... сможете прекрасно провести время в самом пугающем месте – Пещере Скелетов, в которых и самых мужественных проберёт до дрожи! Затем монорельс доставит вас на... – пока бубнил приятный чёткий голос диктора, он просто оглядывал территорию. Ничего не скажешь: комплекс реально огромен. Пять или шесть квадратных километров экзотического не то – сада, не то – аквапарка, да ещё с горами и джунглями...

– Вот. Я выбрала. Хочу – в Пещеру Скелета!

– Поехали. – он подозвал минитакси.

Чиркнул кредиткой по таксофону. Порядок. Шофёр вежливо кивнул. Теперь автоматика передаст его код в диспетчерскую. И там на контрольной панели загорится первая сумма за услуги Парка...

Дорога заняла минуты полторы: скоростными лифтами и подземными супертоннелями разрешалось пользоваться только штатному спецтранспорту.

Вагончик у входа в чёрное жерло скалы уже подждал. Он снова чиркнул кредиткой. Открылся турникет. Они вошли и сели. Наталья, оглядываясь на двинувшиеся вперёд стены и свод, опасно схватилась за его плечо:

– А нас... А нам ничего плохого не сделают?!

Он собирался было спросить, зачем тогда они здесь. Но передумал:

– Сделают, конечно. Но мы ведь за этим и пришли – подбавить адреналинчику в кровь! – и, уже серьёзней, – Ничего не бойся. Обойдётся без членовредительства!

Она ткнула его кулачком в бок:

– Ещё чего! Я никому не позволю навредить твоему... Члену!

Ворота закрылись, и они какое-то время ехали в кромешной темноте, только вагончик под ними дёргался резко то влево, то вправо. Внезапно пол под ними словно ушёл вниз, и завизжав и заорав, они понеслись в... Пучины Ада!

Именно эти картины предстали их взорам, когда вагончик выровнялся, и снова поехал горизонтально!

Ну, прямо по Святому Писанию: тут и жарили грешников, и варили. И даже раздирали на части! Это казалось не столько страшным, сколько омерзительно кровавым: в крови было всё – и тела, и интерьер (если котлы с серой можно так назвать), и руки чертей, орудовавших трезубцами и кочергами. Михаила поразил один старик: он висел над чаном с кипящей смолой, медленно погружаемый туда начиная с ног... Вот уж если не знать, что это – андроид, можно поседеть от истошно-душераздирающих криков!

Наталья теперь держалась за его плечо обеими похолодевшими до ледяного состояния ладошками, и поминутно

вздрагивала, когда какая-нибудь из гигантских летучих мышей касалась их затылков или спин то крылом, то когтистой лапой.

Из стены вдруг выдвинулась тоже – когтистая лапа, но с добрый танк размером, и им пришлось нагнуться: иначе сцапали бы!.. Наталья треснула кулачком его по колену, почувствовав, что он содрогается. Но не от страха:

– Хватит ржать! Я испугалась! А если бы схватило?!

– Если бы схватило – вон! Видишь котёл? Все грешные девушки, которые не слушаются старших, попадают в кипящий воск, и из них делают фигуры для музея!

Она оглянулась – как раз вовремя, чтобы завопить, и врезать ладошкой по черепу, подлетевшему к ним на крылышках, как у голубя! Череп тоже завопил – словно сирена тепловоза. И шваркнулся о стену пещеры! После чего медленно съехал по ней на пол, где его тут же подобрали и затолкали в ближайший колодец, отсвечивающий огонькам и сполохами.

– А там – что?

– А там – топки. Кого не варят в котлах, или не жарят на сковородах здесь, – он обвёл рукой, – там используют как дрова. Ну, кидают в печи. Сам, правда, не видел – коллеги попадали. Рассказывали. Попасть в горнило не слишком приятно – потом за шиворотом много золы... Так что не хочу пачкаться. Стараюсь не выпадать. Да и тебе... Берегись!

Он нагнул её голову почти вовремя: мохнатый, словно шмель-переросток, птеродактиль, шлёпнулся прямо Ната-

лье на спину! Пока Михаил отдираал его когти от кофты, и вышвыривал за борт вагончика, тот истошно орал, и съездил-таки пару раз крыльями ему по башке! Настырная зараза! В тот раз удалось просто увернуться...

– Это – кто такой был? Чёрт?

– Нет. – Михаил ругался сквозь зубы, разглядывая царапины, – Это называется птеродактиль. Динозавр такой. Летучий. Кусается и царапается. Вот! – он продемонстрировал набухшие кровью длинные узкие разрезы на руках.

– Ни-че-го себе! А царапины... Заживут? Они не... воспалятся?

– Да нет, что ты... Это – просто краска. В которую уже введён антисептик, обезболивающее и коагулянт – на случай, если и правда, прорежет кожу.

– Всё равно... Неприятно.

– Тю! – она удивлённо взглянула, наверное, не ожидая, что он применит её любимое словечко, – Мы же за этим и пришли: развлечься! Кстати, готовься!

– К чему? – в тоне сквозило неподдельное напряжение, брови нахмурились.

– Сейчас нас сбросят в жерло вулкана!

– А-а-а... Э-э-э... Я не хочу! Как... Остановить?! Я не умею летать! – по мере того, как вагончик подъезжал всё ближе к краю ужасного разлома, высотой побольше, чем Гранд-каньон, она ёрзала и порывалась выскочить, оглядываясь назад всё чаще.

– А-а, ерунда. Никто не умеет. Но не бойся: мы... Не умрём. Во всяком случае, не сейчас! – он не хотел говорить, что будет дальше, чтоб не портить ей удовольствия от сюрприза!

Сюрприз удался: на полпути к булькающему гигантскими огнедышащими пузырями лавовому озеру их перехватили огромные не то чайки, не то – лебеди. Это уж кому как кажется! Наталья, которую несли вверх за талию, визжала: боялась, как оказалось, высоты. Михаила держали за ногу, но своё вверхтормашное положение он терпел стоически: прошлый раз вообще несли за шиворот, словно кутёнка. Унизительно...

На широком уступе, на который их сбросили, из низкого хода выполз огромный ящер с раздвоенным языком. Наталья поспешила спрятаться за спиной уже поднявшегося на ноги Михаила:

– Гос-споди! Да что же здесь – все какие омерзительные, зубастые и скользкие?! Я такую тварь впервые вижу!

– Нет, не все. – Михаил медленно отступал, оглядываясь в поисках подходящего оружия: в прошлый раз ящера не было! Это уже что-то новенькое! – Этот просто похож на комодского варана. А они – бронированные.

– Вот уж спасибочки, «обрадовал»! От этого тварюга сразу стала родней и ближе!..

– Не бойся. Сейчас мы её... – Михаил подобрал здоровенный сук, и попытался спихнуть монстра с полки, поддев под

брюхо, как рычагом.

Ага, два раза... «Тварюга» щёлкнула пастью буквально возле лица, заставив невольно отпрыгнуть, выпустив сук... Ах, вот вы как со мной!..

Михаил буркнул: «Стой спокойно», с разбегу перепрыгнул ящера. Тот и ухом не повёл. Продолжил надвигаться на Наталью, шипя, и скаля зубы (немаленькие, надо признать!). Та завизжала:

– Убери, убери его от меня, пожалуйста! Он... Он воняет! И у него слюна капает! Фу!..

Михаил зацепил обеими руками за шипастый хвост, и споро стал переворачивать его. Тварь шлёпнулась на спину! После чего заревела, оказавшись снова на ногах. Однако третий переворот дал желаемый результат: не успевшая среагировать или сориентироваться рептилия вылетела с уступа в море лавы!

А здорово она плюхнулась – они пронаблюдали жидко-тягучий, словно от сливок, круглый всплеск огненной жидкости, и лава сомкнулась над монстром!

– Знаешь, а я по-настоящему испугалась... – призналась Наталья, убирая мокрую прядь со лба, – Он выглядел... Во-все не как искусственный! Такой противный!.. – её передёрнуло.

Михаил кивнул, осматривая ладони. Кожу саднило:

– Раньше здесь такого не было. Только крысы. Ну, их-то легко было спинывать вниз... А этот... Вон, смотри: я обо-

дрался об его... Пластины.

– Ну что?! Ты всё ещё утверждаешь, что это – краска, и антисептики?

– Н-не знаю. Но здесь точно никто никогда не погибал. Зато – уж реализму-то... Море! Гарантирую: дальше будет не хуже! Идём-ка дальше: нам – туда.

За поворотом уступа оказалось племя дикарей. Вот чёрт – опять новинка!

На этот раз даже джиу-джицу не помогло: на него навалились с сетью, сделали подножку, оторвали от пола...

А молодцы... Предусмотрительно: мало ли какой ни попадётся клиент!

Их с Натальей привязали за руки и за ноги к двум шестам. И понесли по тёмным извилистым переходам, где жутко воняло палёной шерстью и плесенью, (интересно – как удалось добиться такого эффекта без угрозы здоровью «приключенцев»!) шкребя иногда их одеждой и боками по шершавым и покрытым мерзкой слизью стенам. В какой-то момент он потерял спутницу из виду. И начал было беспокоиться... Но вот их вынесли на площадку перед вигвамами. Индейцы, что ли?..

Точно! Как пить дать – сейчас будут скальпы снимать!

Однако дела пошли ещё хуже.

Наталью привязали стоя к врытому толстому закопчённому столбу, и споро принялись наваливать хворост, по-

ливая ещё чем-то вроде масла! А его самого привязали головой вниз к другому столбу, да так, что кровь стала быстро приливать к голове, сильно раздражая, и мешая сосредоточиться на криках напарницы.

– А-а-а! Помогите!!! Михаил, они меня сожгут!!! Михаил, где ты?! Не-е-ет!!!

К куче хвороста проковыляла мерзкая на вид старушенция, с носом, что твой томагавк, и, сотрясаясь от смеха, поднесла факел заскорузлой рукой, похожей на головешку... А уж жесты делала, ещё что-то приговаривая!..

Ну как тут не поверить, что все старухи – ведьмы!

Наталью охватило пламя! Гос-с-споди, да как же!.. Ведь сторит!!!

Истошные крики заставляли сердце буквально обливаться кровью – привык к ней всё-таки! И хоть и осознавал где-то там, в глубине, что всё это не настоящее, что – лишь шоу, показываемое специально ему, где-то всё же... Таился страх!

Что могут иногда и чёртовы механизмы-андроиды ошибиться, или что-то перепутать – и спалят не робота с лицом его спутницы, а саму спутницу!

Сотня мыслей пронеслась через отяжелевшую от притока крови голову: а вдруг она и правда – погибнет?! А вдруг придётся лечить жуткие ожоги в Госпитале?! А что ему скажет Наталья, если (тьфу-тьфу!) удастся её всё же спасти и вылечить?

И, наконец, совсем уж глупая мысль: что ему скажет Ад-

министрация Этернотеки, и какой штраф наложит за... Порчу имущества?!

Вдруг, когда Наталью уже полностью скрыло пламя, его кто-то оторвал от столба, а племя индейцев, завывая, ринулось навстречу прискакавшим невесть откуда, ковбоям с пистолетами и ружьями, пули из которых, как понял Михаил, и перебили его верёвки.

Увёртываясь от сыпавшихся вокруг простреленных тел, и скачущих коней, он пробрался к костру. Чёрт! Поздно.

Его спутница уже представляла собой тлеющую головешку, сжавшуюся и почерневшую. Омерзительно несло горелой плотью, палёным волосом, и порохом.

Он пробрался к её телу сквозь остатки пламени, и ногой отбросил обугленное тело в сторону. Оторвал корку сгоревшей кожи... Ф-фу... Сволочи. Купили-таки!

Андроид. Вон – под кожей – пластиковый скелет!

Но где же тогда сама Наталья?! И... Что же показали ей?!

Он встал с колен, и двинулся в жерло пещеры, оказавшейся за ближайшим вигвамом, сейчас тоже полыхавшим, что твой факел.

Идти оказалось недалеко: на той стороне пещеры тоже разыгрывалось шоу с индейцами-ковбоями, только здесь Наталья лежала у костра, где дымились, покоясь в пепле, его головешки, и... Безудержно рыдала!

– Наталья! Да Наталья же! Мать их ... ! Я здесь Эй! – он заорал что было сил.

Она подняла голову. Узнала – но словно не поверила глазам! Потом вскочила, и прямо сквозь тела коней, ковбоев и разных мечущихся с дикими воплями скво, бросилась ему на шею! Тела, как он отметил, свободно пронзались ею насквозь. Голограммы.

– Михаил! У-у-у! Миша! Ох ты Господи! А я... Я-то уж подумала... – она сотрясалась так, что он поспешил обнять понадёжней и покрепче – чтоб уж больше не разделили!

Через пару минут бой вокруг них затих. Только для того, чтобы мрак рассеяло восходящее, якобы, солнце – там, вдалеке, за лесом и горами. Шум утих, умиротворяющее запели птички... А красиво, чтоб им... И – вовремя. Они как раз оценить торжественность и пафос момента...

Хотя – вряд ли такое сделано специально для женщин. А мужчинам глубоко плевать, или – вообще – одно удовольствие от смерти «коллеги» или «друга».

Но стоя на пепелище стойбища, вдыхая дым и гарь, и видя восход во всём великолепии красок, они не могли не поразиться – а здорово всё... Сделано. Словно...

Очищает! Умиротворяет. Словом, помогает прийти в норму после... Хм. Пугания.

Есть же древняя поговорка: «Сделай человеку плохо. А потом – верни, как было. И человек будет счастлив!!!» Верно.

Только за каким ... ему, да с Натальей, нужно было лезть туда, где «плохо»?!

Впрочем – это «девушка» выбрала «Пещеру скелетов».

По виду не скажешь, что шибко довольна. Вон: лицо мрачнее тучи.

– Михаил. Я смотрю, техника у вас... Ушла далеко вперёд. Всё – иллюзия... А я-то, дура старая!.. – голос не дрожал, но развернув её лицом к себе он увидел слёзы, проложившие дорожку к подбородку, где они очень даже мило капали вниз... Михаилу что-то сжало сердце – чья-то жесткая волосатая лапа: балбес, оказывается, всё-таки – он.

Мог бы предупредить. Хотя и тут заковыка – и сам не знал!

– Наталья. Прости. Я... Должен был предупредить тебя. Правда, в оправдание могу сказать, что и сам вижу всё это в первый раз... До этого тут всё было куда примитивней!

– Не извиняйся. Я сама виновата. Начиталась ...рни этой, – она махнула головой в сторону входа, – вот и захотелось адреналинчику... Уж получила по-полной!

– Хм. Ты, во-всяком случае – реалистка. Расслабься. Дальше пойдёт легче. Там только Американские горки, путешествие на каноэ по джунглям с аллигаторами (подумаешь!..), и старые трюки из фильмов-катастроф... Ну, где всё взрывается и извергается!

По виду Натальи нельзя было сказать, радуется её перспектива дальнейших «увеселений», или наоборот. Однако Михаил просто молча ждал – вдруг его дама захочет...

Однако ничего у него не выгорело: похмурившись, и по-

вздыхав, Наталья сказала:

– Поехали. В-смысле, дальше. В кои-то веки меня ещё кто сводит в такое шикарное место. Раз ты говоришь, что легче – значит, легче... Даст Бог, выживу.

Горки оказались ну очень свирепые! Их болтало и крутило вниз головой так, что заходило сердце, и если б не ремни – они точно десять раз отправились бы или на дно Гранд Каньона, или в пролёт Эйфелевой башни, или в Ниагарский водопад.

Всё это шипело, гремело, гудело и ревело, их обдавало то паром, то – запахом нагретой краски, то брызгами воды, то ветерком прерий... По которым где-то вдалеке двигались фургоны переселенцев, оставляя за колёсами длинные шлейфы этой самой пыли.

Виды то с высоты птичьего полёта, то – словно изнутри (особенно поразил укрупнённый раз в сто внутренний вид термитника со всеми почти живыми обитателями!), заставлял щуриться, и поминутно разевать рот – от перепадов давления закладывало уши.

Наталья теперь не визжала, а только вскрикивала коротко – но уже не от страха, а от восторга! Когда пролетали под морским дном по тоннелю, вокруг которого сновали акулы и касатки, и оказалось потише, заорала ему на ухо:

– Супер! Вау! И почему я, идиотка, не захотела сюда сразу! Прямо дух захватывает!

– Погоди-погоди! В диких джунглях Амазонии ещё кра-

сивей!

И точно: в них оказалось ещё красивей, если можно так сказать, и куда экзотичней.

Потому что всё проплывало буквально в двух шагах: можно было потрогать и понюхать (Вот уж точно – Вау!) понравившийся цветок. Или отвести с дороги шершавые коричневые плети лиан, одна из которых вообще оказалась зелёной змеёй – еле успели увернуться! Михаил рефлекторно треснул по метнувшемуся стрелой телу – змея сорвалась бы с лианы, но!.. Но хвост оказался вмонтирован в развилку.

Наталья засмеялась. Правда, на взгляд Михаила, скорее, истерично, чем весело или с облегчением. Потом плюнула прямо в воду:

– Сволочи!.. Опять чуть не... Да нет – купили-таки!

Пролетавшие мимо попугаи всех размеров, разноцветно переливающиеся в лучах кое-где пробивавшегося сквозь плотный полог леса лучиках солнца, весело-беспечные и весьма (на вкус Михаила) гнусно что-то оравшие, смотрелись изумительно! Ну прямо новогодние гирлянды в комплекте с огненными салютами! Наталья вздохнула, взявшись за его руку:

– Гос-споди! Красивые-то какие! Неужели они и в жизни?.. – она замолчала, и желая и не желая услышать от него правду-матку.

Нет, он не будет жесток. Зачем лишать иллюзий, особенно если они прекрасны?

– Да, примерно так они и выглядят. Ну, мы же смотрели в фильме. И в зоопарке.

– Да нет – в зоопарке они были какие-то... блекловатые! И скучные. И вообще не летали – я сейчас даже подумала, что там сидят чучела, взятые откуда-нибудь отсюда!

– Слушай, на тебя трудно угодить. Бедные птички, оторванные от родины, и засунутые в клетки на далёком севере – как, по-твоему, они могут себя чувствовать в такой холодище? Да – для них наши обычные плюс двадцать – лютый мороз. В тропиках-то под тридцать, и ниже двадцати пяти не падает никогда! Правда, там гораздо влажней. Мои знакомые бывали в командировке на Амазонке – строили фабрику переработки водорослей – говорили, жуть! Сам всегда потный, одежда, как ни суши – не просыхает, да ещё малейший укус, или царапина – воспаляется мгновенно, а заживает – месяц. Даже с теперешними лекарствами!

– Ух ты... Вот действительно жуть-то... Но попугаи...

– А вот про них он как раз говорил – все верно: красивые, сволочи! Тут тебе и изумруды, и рубины, сапфиры и опалы! Цвета бесподобные, словом! Правда, орут, как тут точно подметили: гнусно и громко.

Они посмеялись. Пирога в это время проплыла мимо плёса из песка, где нагло развалилась пара крокодилов, подставивших пасти заботам птичек-киви. Те бойко и деловито сновали там, не боясь дюймовых белых клыков, и что-то аккуратно, а иногда – и не очень, выдалбливали из потаённых

уголков этих жутковатых хлопалок.

– А они... Не едят птичек? – Наталья указала пальцем, словно он и правда, мог усомниться, о ком она спрашивает.

– Этих – точно нет. Пластик малопитателен... Да и крокодилы ненастоящие. А вообще-то, нет, не едят. Инстинкт подсказывает им, что так зубы сохраняются дольше. Нету очагов гни... Ну, воспалений.

Наталья рукой попыталась помочь пироге развернуться левее. Михаил предостерёг:

– Поосторожней! Ты же не хочешь, чтобы... – оказалось, предупреждение запоздало: кусачие пасти позахлопывались, вызвав возмущённые, писк и мельтешение крохотных крылышек, и аллигаторы поспешили на плеск, весьма шустро извиваясь телом, словно гигантские ящеры (Блинн – они же такие и есть!) – вот гады, слышат, что ли? Или запрограммированы на любителей особо острых ощущений?!

Пятиметровые твари нырнули с берега.

Наталья рассердилась:

– Сволочи! Я же только поближе хотела проплыть – рассмотреть получше!

– Ну, сейчас точно посмотришь! – Михаил поспешил очень кстати (или – в строгом соответствии со сценарием!) лежавшим на дне веслом треснуть со всего маху по ближайшей высунувшейся в шаге от борта пасти! Вот шуму-то поднялось!

Другой крокодил треснулся о борт боком, выставив нару-

жу не морду, а бронированную спину с чешуйками-бугорками, и бить его смысла не было ну никакого. Зато пришлось чуть ли не плюхнуться на дно пироги: крохотная скорлупка закачалась так, что Наталья завизжала:

– А-а-а! Помогите! – после чего тоже упала на дно, соскочив с банки, как и Михаил.

– Не кричи! Всё равно тут кроме нас, идиотов великовозрастных, никого нет.

– Ну тогда тресни им ещё – пусть убираются обратно на берег!

– Я-то тресну... Да вряд ли они уберутся – тут сценарий, наверное, такой!

Михаил треснул, крокодил высунул морду на корму лодки, разинул пасть. Закинул на борт одну когтистую лапу. Михаил подключил сапог – не помогло! Морда только гнусно ослабилась – точно её попробовал укусить докучливый комар.

И вот уже в каноэ полно воды, и туша полутонного монстра, подбирающегося к перебравшимся на нос людям.

– Прыгай! – Михаил, поняв, что неспроста туша второго крокодила стоит на полпути к берегу, почти вытолкнул Наталью из лодки.

Та завизжала снова, но на песок берега, оттолкнувшись от ребристой спины, перескочила. Михаил буквально перебежал туда же, схватив спутницу за руку:

– Ходу, ходу! Сейчас нас будут «преследовать»!

Они помчались по словно специально проложенной в буре ломе тропинке, уворачиваясь от мчащихся навстречу лиан и стволов.

– Направо, направо давай! Там – просвет!

За просветом оказался... Аэродром! И как раз маленький, чертовски похожий на кукурузник древний самолётик взлетал, а за ним с улюлюканьем неслись какие-то не то – татуированные, не то – раскрашенные тёмно-кофейные пигмеи – не больше метр сорок ростом! Михаил сориентировался быстро:

– К самолёту! Вон – в борту люк! – вокруг начали сыпаться копыя и стрелы!

Как только они поравнялись с крылом, из люка протянули руку. Михаил влез, Помог выудить Наталью. После чего, задыхаясь, кивнул бородатому крепышу:

– Спасибо! Не дали погибнуть геройской смертью!

Бородач ухмыльнулся:

– Не за что. Сами еле спаслись... А вот Ваську всё-таки скальпировали! Вон – видите? – и точно. В проходе лежал, похоже, без сознания, мужчина с чёрной от крови головой. Несчастный громко стонал. А ещё б ему не стонать: отсутствовали и кисти на обеих руках!

– К-кто это его так?! – Наталью передёрнуло.

– Калихамуты, будь они неладны! – бородач сплюнул в открытый люк, за которым теперь мелькали верхушки деревьев, – Ничего. Сейчас наложим жгуты. Чтоб уж вообще кро-

вью не истёк, и...

Наложить не удалось. Потому что мотор вдруг стал давать перебои, чихнул, и заткнулся, самолётник, словно остановленный невидимой рукой, резко замедлил скорость, и вдруг нырнул носом вниз – и завращался, как в штопоре! Все заорали, пытаясь схватиться за то, что оказалось под рукой.

От страшного удара, последовавшего буквально мгновение спустя, это не спасло. Зато от превращения в лепешку спасло то, что самолётник словно застрял в кроне огромного баобаба. Впрочем, может это был и не баобаб – Михаил в ботанике никогда силён не был – но дерево оказалось уж очень здоровым...

– Ты... Жива? – Михаил спрашивал из положения «мордой вниз» – зацепился ногой за какую-то не то багажную, не то – страховочную сеть.

– Ага, смешно... Жива... – стон, – А можно мы уже... Закончим «приключаться»?

– Нет, нельзя. – сердито буркнул бородач. Я – к пилоту. Посмотрю, что с ним.

Однако осуществить это намерение тоже не удалось. Весь перед самолёта, с мотором и кабиной и подползшим туда по стенке салона бородачом с диким скрежетом разрываемого металла отвалился, и грохнулся на землю, вызвав в джунглях дикие вопли и выкрики – словно от стаи оголтелых обезьян!

– А ты... Тоже думаешь, что не закончим? – в голосе Натальи сквозила... Усталость. Михаил подумал о женской непо-

следовательности. Сама же!.. Но вслух сказал:

– Если действительно устала, закончим прямо сейчас.

Только скажи.

– Ну... Говорю. Я и правда... Устала. От впечатлений. Да и лётчиков жалко.

– Хорошо. Понял. Нажимаю «Стоп». Деньги всё равно сдерут, как за обслуживание «по полной программе».

– Ой, не ворчи пожалуйста. Сам вымотался не меньше моего...

– Ну... есть такое дело. Однако я не рвался в бой, как некоторые тут...

– Ну, да... Хотела «поприключаться». Я уж сказала: нечасто меня... – она заткнулась, всё ещё не делая попыток разгрести ужасную мешанину из парашютов, верёвок и мешков в хвосте, где застряла ещё прочней, чем Михаил, хотя и головой кверху.

Он подумал, что они, похоже, сильно проголодались – от этого и раздражены, словно два кота-соперника, пытающиеся поделить милую кошечку... Но это исправимо.

Поесть, правда, удалось лишь через десять минут – после того, как бригада веселящихся спасателей в альпинистском снаряжении выудила их из самолёта, действительно висевшего. Правда, хоть и не на дереве, но на достаточно высоком кронштейне. А вообще, когда выключили визуальные, аудио и обонятельные эффекты, они оказались на полу гигантско-

го ангара, длиной, пожалуй, с километр, и добрых полкилометра в ширину.

Нулевой уровень, где все они оказались, выглядел состоящим лишь из казавшимися воистину бесконечными, рядов простых бетонных колонн, идущих через каждые пять шагов.

Колонны поддерживали что-то вроде каркаса из мощных двутавров, на который крепилась как бы сетка из профилей поменьше. А наверху, крепясь к этим поддерживающим профилям, виднелась невероятная мешанина труб, кабелей, экранов, пластиковых полотнищ, сетей, кронштейнов и подпорок, на которых крепилось всё что угодно, только не казавшиеся столь реальными только что джунгли и река...

– Выход – там. – старший смены (узнать его оказалось нетрудно – на его комбинезоне висел соответствующий бейджик) махнул в сторону казавшихся издали крохотными, ворот, забираясь обратно в сверкающий свежей жёлтой краской электрокар, на котором подъехала бригада.

Михаил сказал:

– Спасибо. А где тут ближайшее место, где можно поесть?

– От галереи сразу налево. Пиццерия Самсон.

– Спасибо ещё раз. – он чиркнул карточкой по прорези терминала, который поднёс невысокий парень. Спасатели покивали. После чего расселись по продольным скамьям, и кар неторопливо отправился «домой» – будка спасателей высилась прямо посередине помещения ангара. Что ж. Вполне

логично – чтоб быстрее успеть везде...

Ворота, когда подошли, оказались в добрых три этажа. Дверь, сквозь которую они вышли наружу, имела изнутри простую ручку, а снаружи кодовый замок. Михаил захлопнул её за ними. Ох, как светло-то: с полумрака пришлось щуриться.

Чёрт. Снаружи и следа не было видно от огромного здания: сплошные холмы и горы, а они будто появились из очередной пещеры... Изучать склоны прохода, и правда, похожего на галерею, и окрестности они почему-то не захотели.

Пиццерия, действительно, оказалась хоть и не в двух, но в ста шагах.

Пицца к огромной радости Натальи, да и Михаила, тоже оказалась на высоте.

Ну ещё бы: нужно чтобы услуги «в комплексе» оставляли одинаково «благоприятное впечатление». Уж в маркетинге-то Михаил поднаторел. Откинувшись на спинку стула, он даже распустил ремень на одну дырочку.

Сытая Наталья смогла даже рассмеяться:

– Слушай, а ты молодец! Как ты вычислил, что я голодна как собака?

– Это просто. Случайно посмотрел на часы. Угадай, сколько времени.

– Хм... Два?

– Половина четвёртого.

– Вот это да! А затягивает, затягивает, надо признаться...

Не думала, что уже... Скоро домой.

– Ну – почему же – домой? Сегодня выходной. Можем ещё куда-нибудь...

– Нет, пожалуйста, никаких больше «приключений на...». Всё. Давай тогда... Слушай, а здесь можно просто где-нибудь посидеть? Полюбоваться на природу – ну, там, лес, море, горы. Да чёрт с ним – подойдёт и пустырь какой-нибудь! Хотя бы с видом на свалку, или ещё чего... Только чтобы с нами уж ничего не... случилось?

Михаил с важным видом покивал. Состояние того, кто в первый раз почувствовал на своей шкуре что такое «погружение в реальность», вычислить не сложно. Он и сам... Привык только после пятого-шестого раза. А так – постоянно покупался на спецэффекты, и каждый раз новые драматические эпизоды, разработанные лучшими мастерами психологии и спецэффектов.

– Здесь есть канатная дорога. Она идёт над всем парком. Можно только смотреть. С высоты. Ну, обычно этот вариант применяют те, кто пришёл в первый раз, и хочет просто... Осмотреть. Вживую, так сказать, а не по экрану информатора.

– Отлично. – правда, особого энтузиазма он не заметил, – Поехали?

Разумеется они поехали.

С высоты пятидесяти метров Парк казался даже больше, чем значилось в проспекте.

Само-собой, горы и водопады не слишком поражали воображение масштабом, зато живописности им было не занимать. Словно волшебный палимпсест, внизу открывались всё новые и новые удивительные и прекрасные места.

Михаил с улыбкой поглядывал на Наталью: та, сидя в удобном и безопасном кресле, снова вела себя непосредственно, как девчонка: тыкала во всё пальцем, восторгалась, хлопала в ладоши. Он объяснял, показывал. В проспект не заглядывал – помнил интерьер и так. А вот внутреннее содержимое проплывавших внизу аттракционов сквозь «почву», «скалы» и «воду» разглядеть невозможно...

Они проплыли над Джунглями Амазонии и Конго, прериями и пампасами Чили и Мексики, степями Забайкалья и тундрами заполярья. Затем снова пошли горы и обрывы Новой Зеландии, вдоль которых неторопливо проплывал их вагончик. А поскольку стояло лето, его панорамные стёкла не мешали – их убрали до зимы...

По африканской саванне неторопливо двигались слоны – крохотные отсюда, сверху, а вокруг паслись и перемещались зебры, гну и выслеживающие их прайды львов – страшно, хоть и с высоты! Пробежал гепард, догнав и завалив какую-то крохотную газель.

Наталья проворчала:

– Вот сволочь... Как натуральную!..

На альпийских пастбищах даже паслись какие-то не то козлы, не то бараны – явно слишком винторогие для обычных, равнинных. А уж травка – зеленее не бывает. Да ещё с жёлтенькими точечками цветков одуванчиков. Михаил знал, что всё это – пластик, но держал при себе: пусть спутница повосторгается вдоволь – благо, натруженные ноги отдыхают...

Так та и поступала, пока не стало совсем уж темно – солнце село.

В машине почти не разговаривали, если не считать вздохов и междометий по поводу увиденного и ощущённого... Домой приехали только в одиннадцатом часу – когда сумерки собирались перейти в светлую летнюю ночь.

Наталья привалилась местом, где спина переходила в то, что помягче, к стене прихожей:

– О-ох.... Я не могу разогнуться!.. Словно по мне танк проехал. – она кое-как стянула с ног кроссовки, – Хорошо хоть ты мне купил нормальную обувь. Спасибо. Да и за всё – спасибо.

– Да не за что. Ты уж поблагодарила...

– Да. Однако так, как положено, поблагодарить ещё только собираюсь... Вот только – можно не сегодня?..

– Можно. – Михаил и сам чувствовал ужасную усталость. Давненько он так... Не «отдыхал». Как в поговорке: раз уж деньги заплатил – веселись, что хватит сил...

На ужин микроволновка отварила импельменей: чтоб не заморачиваться чем-то серьёзным и долго готовящимся. Наталья едва одолела половину своей порции, отодвинув тарелку, буквально взмолилась:

– Больше не могу. Сыта. Спасибо. Можно я пойду мыться и спать?

Михаил покивал. Надо же! А он и не знал, что от усталости пропадает аппетит:

– Конечно. Я попозже.

Наталья мылась долго – он даже было подумал, что она заснула, прикорнув где-нибудь в тёплом мягком уголке ванной. Однако через полчаса, когда он доел и даже вынул из посудомоечной машины посуду, всё же вышла. А-а, вон оно что: помыла голову.

Сам он голову тоже помыл. А ещё бы не помыть: завтра на любимую работу.

– Ну ты как тут? Спишь? – он забрался со своей стороны в постель.

– Пытаюсь. Блин. Стоит закрыть глаза, и всё качается, наплывает, бежит... Фантасмагория какая-то. Как в мультфильмах. Больше никогда не пойду в Диснейлэнд.

Он засмеялся:

– Во-первых – Луна-парк. А во-вторых – не зарекайся... Ладно, спи уже, искательница приключений и экзотических мест...

Затем он долго лежал рядом с почти сразу засопевшей

женщиной. Думал.

Она права: одного такого посещения хватает надолго. Если ты не ребёнок. А детей сейчас как раз туда не водят. Для детей – только Интернаты и Воспитательные Дома. Чтоб не избаловать, как случилось раньше, будущих Работников.

Считал ли он такое положение дел нормальным?

Нет.

Но что можно сделать против Системы?!

Детство, безоблачное и беззаботное детство, как у того же Джерри Даррелла, осталось далеко в прошлом, стало нереальным и далёким – словно сказка о Спящей Царевне. Отобрали у малышей Волшебную Страну Оз, Золушку и Деда Мороза...

Да, никто теперь детей не балует, не нанимает учителей, и не «засовывает» во всякие престижные элитные и высокооплачиваемые Заведения, как, он слышал, бывало раньше. (Ну правильно: начальник хочет, чтоб уж его-то сын тоже стал начальником! И ручки особо не марал. А для этого образование должно быть отнюдь не «стандартным»!)

Ушло всё это в прошлое. Нет сейчас ни у кого никаких «своих» детей.

Оплодотворение осуществляется по компьютерным программам, проводящим подбор мужских и женских гамет по разработанным больше века назад принципам. Целесообразности. Получения заданных наследственных черт. Среди которых главное – здоровье. Ну, и отсутствие склонности к...

э-э... нестандартным поступкам. Проще говоря – выходкам. (ну, такого сейчас практически нет – генный материал хоть раз что-то «выкинувших» работничков попросту удаляется из Банков гамет.)

С другой стороны, какие, к чертям, могут быть «лучшие черты», если учёт параметров отца – ещё возможен, а вот матери...

Кто может поручиться – не попадёт ли, скажем, его сперма в яйцеклетку какой-нибудь Валькирии, или «Святой Агнессы»?! Нет, тут не предскажешь...

Поэтому и существует Этап Предопределения – где уж окончательно выясняется, чему ребёнку следует углублённо и расширенно обучать и к какой работе готовить.

Это вот он – один из Последних... Исключение из Правила. Подтверждающее правило лучше, чем...

Потому что чтоб зарабатывать на существование, ему, точно так же как и всем остальным «выращенным» винтикам-шестерёнкам, приходится работать. И работать на совесть. Засунув в ...опу свои амбиции и крамольные мысли, и подстраиваясь под требования и установки Системы...

С другой стороны – оппозиции не существует. (во всяком случае, он о таковой не слышал!) Как и разумной альтернативы. Если их Общество хочет выжить, придётся и дальше уповать на существующие принципы его поддержания и функционирования.

Михаил скосил глаза – простыня мягко облегла прият-

ную выпуклость там, где у Натальи начинали расти натруженные за сегодня ноги. Интересно – избавив женщин от родов, сделало ли Государство им бесценный Подарок? Или – подложило свинью?

С этой мыслью он и заснул.

Утро началось с будильника.

Наталья ещё не встала, но отреагировала, даже не открывая глаз:

– Ой! Милый! Извини, я сегодня проспала! Сам что-нибудь перекусишь?

Как будто до этого двадцать девять лет он не «перекусывал». Но вот то, что он милый...

Однако он вынужден был отметить, что одному кушать гораздо... Да, скучнее.

Надо же. Избаловался. Нет, неверно: это она его избаловала.

Проезд в метро позволил как-то настроиться на деловой лад. Работы много. Поскольку предыдущий Проект сдали «с отличием», имеют право на более сложный и дорогой. С одной стороны – престижно. (Все завидуют!) А с другой – придётся попотеть.

Шеф, как обычно маячивший при входе, увидав Михаила одел казённую улыбочку, сегодня чуть более широкую – кончики губ приподняты выше обычного на целый милли-

метр!»: – Доброе утро, Михаил Геннадьевич. Прошу в мой кабинет на пару минут.

Михаил... подобрался. Вежливо ответил:

– Доброе утро, Валентин Игоревич. Разумеется.

В кабинете у стены, достаточно далеко от стола для совещаний, чтобы почувствовать себя бедными родственниками, сидело двое молодых людей. По той поспешности, с которой они вскочили, и блеску новизны костюмов, явно только из гипермаркета, Михаил догадался сразу: только что из Высшего. Амбиции и напор пополам с робостью.

Гремучая смесь. Но ему только на руку.

Шеф начал:

– Михаил Геннадьевич. Позвольте вам представить наших новых работников: это – Владимир Сергеевич. – парень по-выше быстро протянул потную и холодную руку, которую Михаил слегка пожал с вежливой улыбкой, – А это – Василий... э-э...

– Владимирович. – быстро подсказал второй, тоже пожав руку Михаила. У этого кожа оказалась горячей и какой-то шершавой. Кожная болезнь, что ли какая?..

– Очень приятно. – для него Михаил тоже приподнял кончики губ.

– Молодые люди. А это – наш ведущий специалист, заведующий Секцией оптимизации планирования, можно сказать, акула от Статистики, Михаил Геннадьевич. – и, обращаясь уже к Михаилу, – Михаил Геннадьевич. Я прошу вас

взять, так сказать, этих неофитов под своё могучее крыло ветерана, и познакомить с традициями и стилем работы нашей... Фирмы.

– Спасибо за честь и доверие, Валентин Игоревич. – Михаил отнюдь не был счастлив тем, что ему «под крылышко» спихивают двух салаг, но – у всего есть своя цена. Особенно для того, кто «проявил себя», как недавно он, – Непременно. Разместить их в?..

– Да. Пусть сидят в вашей Секции. Я уже распорядился, и перегородку перенесли.

– Благодарю, Владимир Игоревич. – Михаил чуть поклонился, – Можно приступать?

– Да-да. Ну, молодые люди, Владимир Сергеевич и Василий... м-м... Владимирович – желаю всяческих успехов и скорейшего вливания, так сказать, в коллектив.

Михаил и новички откланялись.

У себя в отделе Михаил сразу заметил перемены: невысокая перегородка, что отделяла раньше его секцию от отдела уволенных интриганов, переместилась на два метра в глубину сокращённого отдела – так, чтобы рабочих мест стало на два больше. Столы с компами и стулья уже сверкали новизной – никак, Юрьевич выдал со склада! Надо же.

Вот так. Он растёт. Теперь в его подчинении не пять человек, а семь. Неплохо. Вроде. Правда почему-то теперь, когда добился-таки, чего хотел, особой радости нет.

– Владимир. Василий. – у входа в их «отсек», Михаил приостановился, решив проинструктировать молодёжь сразу, – Наш отдел – особый. Мы занимаемся вычислением, так сказать, *внутренней* эффективности. То есть – эффективности работы *всей* нашей Конторы. Поэтому те сведения, что будут проходить через ваши руки и машины, не должны стать известны никому.

Причём: никому – значит – никому! Даже коллегам по Отделу или Секции.

Связано это с тем, что наши данные, попади они в ненужные руки, могут отрицательно сказаться на производительности работы наших... Коллег. И даже причинить вред всей Фирме – мы не должны допускать потери лица, потери престижа авторитетнейшей в этой сфере бизнеса Организации. Виновных в утечке (будь то сознательной, или по неосторожности – абсолютно безразлично!) обычно увольняют, и они попадают туда... Где их индекс жизни намного ниже. Понимаете?

Оба поспешили покивать с максимально серьёзным видом, а у Василия даже пот проступил на висках – ещё бы! Вот так, сходу – такая ответственность! Не справился с Первой Работой – на разгрузку судов в доках! Жуть! Особенно с таким Предопределением, которое предусматривало чистенькую и непыльную работу в офисах, и полное отсутствие мускулов...

Решив, что достаточно с новичков его «пронзительного и

начальственного взора», Михаил позволил несколько ослабить давление:

– Ну, теперь, когда я вас намного напугал, поясню. Работа и правда секретная. Всё, что наработаете за день, тщательно сохраняйте. Пароли подберите такие, чтоб никто не мог вскрыть – никаких телефонов, дат рождения, детских кличек и названий фильмов.

Если по нужде будете выходить (туалет вон там, а столовая – там), всё равно монитор и процессор выключайте. – Оглядев слегка побледневших парней, Михаил решил, что они, вроде, держатся неплохо. Не то, что он сам, когда пришёл в Первое своё место (Ох, и лил с него тогда пот – в три ручья! Хорошо хоть, не по лицу. А по спине!). – Ладно. Идёмте знакомиться с коллективом Секции. С остальными сотрудниками познакомитесь сами. Знакомство много времени не заняло. К пяти сотрудникам прибавилось двое.

– Рабочие места – вот. Выберите сами, кому где удобней сидеть. Да. Хорошо.

Дмитрий Фёдорович, можно вас на минуту? – Михаил обратился к мужчине на десяток лет старше себя вежливо, хотя и не слишком восторгался его способностями: не продвинулся человек дальше инженера второй категории за двадцать лет службы... Такое возможно только если он не хочет этого сам. А вот почему – уже совсем другой вопрос.

Однако в профессиональной компетентности своего помощника и непосредственного заместителя Михаил не со-

мневался, – Это – наши новички. – он представил их друг другу, – Будьте добры, поставьте задачу на сегодня нашим... молодым коллегам.

Хм. Вот у него и «солидный штат». Теперь, чтоб не ударить в грязь лицом, нужно перераспределить работу так, чтоб каждый справился, и справился вовремя – к утру пятницы. А уж скомпоновать и откорректировать результаты – его задача.

Первые недели две, конечно, с его новых подчинённых толку будет, как с козла молока. Потом, когда втянутся, начнётся следующий «детский» период: «я всё знаю лучше шефа!» Затем – всё как всегда. Интриги, подкопы, сплетни и вся остальная прелесть оффисной жизни планктона, мечтающего пролезть в караси... Или даже щуки.

Дёрнув щекой, он включил оборудование. Всё! Ну-ка, отключиться от посторонних факторов!.. Пора работать.

Домой он попал опять только после семи.

Странно. Сегодня никакие запахи не наполняли коридор, пока он приближался к двери. Непонятно. Или она не готовила?

Точно. Не пахнет и здесь. В квартире темно. Такое ощущение... Что никого нет!

Тишина буквально навалилась ему на плечи, словно ватная перина. Странно. Да и на столе... Точно – лежат ключи! Он быстро обежал на всякий случай все комнаты, загля-

нул в ванну и туалет. Нету его Натальи. Нигде. Чёрт! И записок нет. Остаётся одно: автонавигатор.

– Алло, здравствуйте. Автонавигатор? Да. Примите вызов. – он быстро листал сопроводительные документы, которые ему выдали после подписания Договора. Ага – вот! – Нужны координаты женщины. Личный идентификационный код Эн Аш пять, категория Д-5, номер 549133/93, Наталья Кудинова, 22 года. Да. Нет. Ах, вот так... Понятно. Скиньте мне на телефон. – он продиктовал код и номер.

Пусть с него снимут десять кредитов, но теперь на экране мобильного засветилась точка её чипа – вон она, в лесополосе за городом. Двигается по дороге к Этернотеке.

Хорошая штука этот джипиэс, да и чип, вживляемый в запястье при рождении позволяет легко избегать попадания в категорию «без вести пропавших».

«Затеряться» Система никому не позволит.

Догнал Наталью он всего в паре километров от её «Дома».

Она шла по обочине, медленно, но упорно передвигая явно уставшие после вчерашнего, да и сегодняшнего, ноги. Сумка, висящая через плечо, была по бедру. Впрочем, эта сумка как будто стала даже меньше, чем когда он привёз её домой...

Хромота усилилась, и прямо бросалась в глаза. Ему словно осколком стекла резануло по сердцу. Он только сейчас понял: у неё одна нога короче другой. Однажды встречал пар-

ня с таким врождённым дефектом – тот ходил именно так, переваливаясь, и подволакивая...

Молодец. Настойчивая. Просто сильно устала – а так можно лишь поразиться настойчивости и упорству. Пожалуй, такая и в работе чего-нибудь смогла бы...

Поскольку по спидометру между его домом и Этернотеккой 53 км, вышла, значит, почти сразу как встала...

Странно. Он же дал ей запасную кредитку – почему не вызвала такси?

Да и вообще: в чём дело, чёрт его задери?! Что *теперь* не так?!

Обогнав её, он остановил машину на обочине. Открыл дверцу со стороны салона, и стал ждать. Правда, боялся, что она просто пройдёт мимо.

Он не знал, что стал бы тогда делать. Вероятней всего, просто развернулся, и уехал домой. Не у одной неё есть характер! Не нравится его общество – так бы и сказала! Контракт он всё равно уже оплатил, и претензий бы не предъявлял!

Наталья подошла, уже еле передвигая ноги. Даже в кроссовках пройти пятьдесят километров – подвиг! А если учесть, что у себя «в клетке» и даже на тренажёрах спортзала она явно не могла к такому подготовиться, удивительно, что вообще ещё идёт.

В салон девушка забралась со стоном, рыдая и размазывая слёзы по лицу. Рыдала она, судя по бледному виду и припух-

шим воспалённым глазам, уже довольно давно. Сумку бросила прямо под ноги.

Михаил молчал и ждал.

Наконец она захлопнула дверцу. Еле слышно сказала:

– Пожалуйста... Ничего не спрашивай. Если не... не передумал, отвези меня домой. – и, после секундной заминки, наверное, побоявшись, что он неправильно её поймёт, прикусив губу, поправилась, – К тебе...

Он кивнул. Развернул машину, двинулся обратно. Час пик прошёл, и на шоссе почти не было машин: все восемь полос свободны. Но он не гнал, а ехал спокойно – не больше восьмидесяти.

Наталья, как и в первый раз, сидела посередине заднего сиденья, и теперь уж всю грызла ногти. Взгляд отрешённо направлен в окно, но Михаил мог бы поспорить, что ничего она не видит. Думает. О чём-то своём. О том, что толкнуло на глупый, как казалось ему и сейчас, поступок.

Ну а разве не глупый? Если сдался всего за пару километров до цели?!..

Насколько он помнил себя, сам так не поступал. Раз уж что-то наметил – добивался.

Если не удавалось одним способом, в лоб, искал обходные варианты. Но – не сдавался.

Поставив машину у подъезда, он, так же как в первый раз вышел, и, открыв её дверь, предложил руку. Она постаралась не хромать, хотя он видел, чего это ей стоит: прикушенная

почти до крови губа и бледное, искажённое гримасой лицо. Хорошо, почти темно.

Да и нет никого на улице в такое время – прайм-тайм! Все, кто не работают, и не гуляют на корпоративах, смотрят ящик.

Дома Наталья первым делом скинула кроссовки. А, вот в чём дело: она одела его носки. Наверное, чтобы не натирало. Грамотно. Для дальнего похода.

Впервые она разлепила запёкшиеся губы:

– Прости, взяла без спросу твои носки. Я... Хотела потом отослать их по почте...

Он вдруг почувствовал себя легко, словно только что совершил что-то важное. Да и сердиться на неё как-то сразу перестал. Улыбнулся:

– Я бы не обиделся, даже если б ты оставила их себе – на память. А вот баклажку с водой ты зря не взяла – наверняка жажда мучает. Там, в холодильнике – соки. Только подогрей в микроволновке.

Наталья вдруг разогнула спину, и бросилась ему на грудь, рыдая, как ещё никогда:

– Прости! Прости-прости-прости! Не знаю, что на меня нашло – у меня бывает... Такое чувство, что никому не нужна! Что – пустая, никчёмная кукла, которая и клиента-то толком не может... Прости! Какая же я дура!

Михаил, ничего такого не ожидавший, решил крепко обнять «куклу», и слегка погладить её по грязным, покрыв-

шимся серой коркой пыли, и растрёпанным после целого дня на ветру волосам:

– Ничего. Дура – не самый страшный порок... Зато – красивая.

За это ему дали сильного тычка в грудь, не спеша, впрочем, вырваться из объятий:

– Неправда! Ты... Ты специально так говоришь, чтобы я... Ты издеваешься! Как я могу быть красива – грязная, бледная, уставшая и... и... Глупая!

– Ну и что? Мы тебя помоем, покормим ужином, и положим отдохнуть. Всё это поправимо. Ну, кроме глупости, конечно... Но, как я уже сказал, это компенсируется красотой. – она вскинула на него красные от ветра и слёз растёртые глаза.

Вряд ли она и правда, видит его чётко сквозь текущие слезы, но он постарался улыбаться просто и открыто – без ироничных заламываний брови, или косой ухмылки.

– Ты... Я тебе... И правда, нравлюсь? Ну хоть чуть-чуть?!

– Да. – он говорил так, как чувствовал. Знал, что несмотря на молодость и отсутствие образования, фальшь и ложь она чует за километр, – Нравишься. И даже грязная. И глупая. Есть в тебе что-то... Детское. – он прикусил губу, помолчал, – Цепляет.

Показалось ли ему, или в глубине всё ещё источавших слёзы глаз, что-то мелькнуло? Но – что?! Затаённое торжество? Радость от его слов? Сожаление о глупом поступке?

Вряд ли ему это когда-нибудь узнать. Ведь он не собирался её ни о чём расспрашивать. А сама она... Впрочем, как знать – а вдруг?..

Она мягко отстранилась. Сказала только:

– Прости. И – спасибо. Что не стал звонить в... Чтобы они подобрали меня сами...

Он просто кивнул. Потом сказал:

– Попила бы чего. Хрипишь жутко. Пыли, небось наглоталась.

– Что есть, то есть... Может, и тебе... Сока?

– Пожалуй, давай. Пить хочется. Но, наверное, не так, как тебе.

– Твоя правда. Я – точно, настоящая дура. (Ну, это ты уже знаешь!) Какой хочешь? – она открыла холодильник, и водила пальцем по коробкам в двери.

– Любой.

Она вытащила апельсиновый, и сунула на пару щелчков в микроволновку.

Разлила по стаканам. Первый глоток сделала жадно, даже пролила немного на майку – похоже, не могла удержаться. Михаил вначале присел. И пил маленькими глотками. Она, посмотрев на него, поступила так же, буркнув:

– Точно. А вовремя я вспомнила, что *так* жажда утоляется лучше!.. – он хмыкнул.

Докончив литровую коробку, она с сожалением глянула на белый айсберг:

– Хочется ещё. Но я знаю, что нельзя – сейчас всё выйдет с потом! Ладно, позже ещё попыю. А сейчас... Можно, я схожу помоюсь?

– Конечно. Ужинать потом будешь? – кивок, – Что разогреть? Шашлык или котлеты?

– Давай котлеты. Шашлык сейчас не ужую – сил нет. – она ушла в ванную.

Он подождал.

Услышав звук полившейся из душа воды, неторопливо направился в прихожую. Взял её кроссовки. Внимательно осмотрел. Нет – всё верно. Корка грязи, влажность стельки, и износ подошвы сказали ему, что действительно в них сегодня отмахали километров пятьдесят.

То есть это – не подстава.

Наталья не проехала часть пути на такси, и не прошла остальное уже тогда, когда он мог бы, и должен был заметить её исчезновение.

Значит, его «партнёрша» не расчётливая стерва, как он было в силу хронической подозрительности заподозрил, пытающаяся «привязать» его к себе, а просто...

Просто странная, управляемая какими-то своими, пока неизвестными ему, внутренними порывами... Дурочка.

С его прагматической точки зрения непредсказуемые, нелогичные и не ведущие к какой-то конкретной Цели поступки и были – именно дуростью. Впрочем, «закладывать» Наталью он не собирался. Зачем портить девушке и так, по-

хоже, нелёгкую, жизнь?

Он внутренне усмехнулся: а прикольно было бы, если б к информации на её табличке добавилось: «обладает непреодолимой тягой к долгим пешим прогулкам».

Чувства к своей партнёрше он испытывал теперь двойственные: с одной стороны, ему так хорошо в плане секса с пластиковой дурищей Викторией никогда не было. С другой – таких осложнений в моральном плане ему даже на работе никто не...

Подумав ещё, он снова утвердился в верности принятого сходу, интуитивно, решения.

Он... «Поэксплуатирует» девушку до конца срока Контракта, и просто вернёт обратно. И вряд ли когда ещё вернётся не то что на её Уровень – а и в её Корпус.

Звук льющихся струй прекратился. Он воспринял это как сигнал: сунул в микроволновку два брикета котлет и два – гарнира. На гарнир выбрал картофельное пюре. Она так и сказала: жевать сегодня не сможет.

Наталья в махровом халате и с помытыми и высушенными волосами смотрелась куда лучше. Только огромные тёмные круги под глазами, да краснота самих глаз говорили о том, что произошло только что. Ела она с трудом, явно запихивая в себя пищу лишь потому, что знала – измотанному организму нужно питание. Чтоб восстановить силы. Зато пила много – почти dokonчила вторую литровую упаковку сока, тоже предусмотрительно разогретую Михаилом. Сам Михаил ел

спокойно, заедая салатом из помидоров-огурцов, от которого Наталья отказалась: «смотреть на него не могу!»

После еды она несколько засмущавшись, замялась. Но всё же спросила:

– Мне... Ждать тебя сегодня?

Он давно знал, что на это ответить:

– Нет, не надо. Я должен кое-что поискать для работы, так что спи. Приду, когда закончу и помоюсь. Поздно. Спокойной ночи.

– С-спокойной ночи.

Проводив взглядом её покачивающуюся на ходу фигурку, он подумал, что сегодня она будет спать, наверное, ещё беспокойней, чем вчера. Если вообще уснёт – от перевозбуждения часто человек не может заснуть даже если физически измотан до безумия.

Убрав со стола, Михаил пересел в кресло, и взял лаптоп. Он предпочитал его виртуальной версии – симпу: хоть ощущается, что тычешь не в пустоту.

Когда в полпервого вошёл в спальню, Наталия и правда спала.

Тихо скинув халат, он залез со своей стороны под одеяло. Девушка не пошевелилась. Однако минут через десять, когда глаза уже закрылись, и стало накатывать то самое привычное полузабытьё, его вдруг разбудил её вскрик!

Он вскинулся. Но она, вроде, замолкла... Однако оказа-

лось – что только на минуту! И вот уже снова голова мечется по подушке, а из стиснутых зубов льются хрипы попеременно с выкриками и стонами!

Он осторожно, а затем и сильно потряс её за плечо:

– Наталья! Наталья, проснись! Да Наталья же!..

Рот закрылся, глаза открылись:

– Ох! Что?.. А-а, это кошмар... Ф-фу... Спасибо. Спас меня!

– Что? Динозавр? – он не смог придумать ничего другого.

– Нет. Хуже. Моя... Воспитательница. Ладно – не важно. Спасибо, разбудил... А... Можно я?.. – она вопросительно положила ему руку на грудь.

– Можно. Конечно. – он снова прилёг, ощущая, как её головка с гривой высохших и приятно пахнущих его шампунем волос устраивается поудобней у него на плече, а нога как-то автоматически оказывается на его бёдрах. Поёрзав, она замерла там, очевидно, найдя удобное положение. Ручка обхватила его грудь, и в шею засопел маленький носик. Наталья испустила вздох. Удовлетворения?

Кто ж её знает...

Так, ощущая непривычную, но отнюдь, оказывается, не неприятную тяжесть на чреслах, и влажное дыхание в шею, он и заснул.

– Доброе утро, Михаил Геннадьевич! Сейчас семь часов восемнадцать минут. До отхода...

Чёртов будильник! Михаил мягко отодвинул с груди ослабленную руку, и потянулся. Будильник замолчал.

Осторожно он встал – голова Натальи осталась лежать на его подушке. Странное у неё выражение лица. Когда приглядишься: не то радуется чему-то, не то... Ждёт.

Уходя, он счёл необходимым попрощаться:

– Наталья! Наталья! – на него уставился растерянный взгляд всё ещё красных глаз, – Я – на работу. Постараюсь сегодня вернуться пораньше. Приготовишь чего-нибудь?

Пару секунд она моргала, видимо, пытаясь вспомнить. Потом покивала:

– Конечно! Чего хочешь?

– Если не трудно – хотелось бы опять плова. Ну, такого, как в первый раз. Только – мясо возьми не такое жирное. О,кей?

– Ага. Хорошо. Будет тебе плов. Ну, удачного дня!

– Спасибо. Удачного дня. – он отвалился от косяка, к которому прислонялся, и вышел.

Захлопнул входную дверь. Почему-то, сам не зная почему, постоял около неё. Потом поспешил к лифту – вон, он уже идёт...

На работе всё оказалось хорошо – тишь, да гладь. Ни у кого из его подчинённых никаких серьёзных проблем. Даже удивительно. Видать то, что секцию расширили, а его как бы повысили, сильно подстегнуло соображательные способ-

ности «ветеранов».

Обойдя всех, и повникав в общие проблемы, и частности, он выразил одобрение: кому – вежливым мычанием, а кому – и «отеческим» похлопыванием по спине, даже не сделав никому замечаний. Что случалось редко. А молодцы его ребята. Могут же, когда хотят...

Новички прямо дымилась от азарта и энтузиазма: Дмитрий Фёдорович нашёл для них вполне доступное по компетентности первогодок Задание. Даже два. Перспективные, так сказать, разработки... А что – пускай их. Всё-таки, недаром же говорят про «свежий взгляд»!.. Вполне возможно, что вот такие салаги, у которых мозг не запорошен рутиной, и стереотипами, что-нибудь им интересное нароют.

Кстати, Василий, похоже, уже и нарыл!

Михаил, довольно покомментировав и поулыбавшись Василию, дал пару советов и другому новичку – тот вначале не мог понять смысла. Но когда понял – буквально залучился, закивал...

Ладно, пусть роют.

Сам Михаил работал, словно проклятый – идея, которую он давно пытался пробить, как раз подходила к новому Проекту. А что: оптимизировать – так уж оптимизировать! Конечно, не «революция» в статистике, но... Подход и правда – новый.

Оторвался от работы он лишь когда Дмитрий удивлённо спросил, пойдёт ли он обедать. Чёрт! А и правда: обедать

надо! А то слава маньяка-трудоголика ему не нужна!

Пловом пахло чуть ли не от стоянки.

Во-всяком случае, в подъезде-то уж точно. Невольно дёргая крыльями носа, он втягивал в себя знакомый аромат, зло-радно думая, что соседям, наверное, завидно! Да и ... с ними! Хотят вкусно кушать – пусть выписывают себе такую, как его Наталья!

Но – не его Наталью!

Внезапно он поймал себя на мысли, что ему было бы неприятно, если б он узнал о том, что кто-то ещё... И что его Наталья – по сути, вещь. Которую может заказать и взять «поэксплуатировать» любой. Любой! Будь то молодой неопытный сопляк-менеджер, или умудрённый интригами кобель-ветеран среднего или высшего звена...

Странно. Ведь он же знал, что её – уже «брали» пятнадцать раз, но...

Но как-то не придавал этому значения. Неужели те, кто отмечал, что она «любит готовить», тоже – испытывали что-то такое же?!

Его передёрнуло. Ревность? Глупости! У них – деловые отношения! Человек, работающий человек, сейчас не может позволить себе отвлекаться на те предрассудки, что существовали пару веков назад: типа там – семья, любовь, ревность...

Может, ещё и *дети*?!

Его передёрнуло снова – это уж не предрассудки. А нарушение Закона. Хоть и принятого всего десять лет назад, но – Закона! Система знает, где у неё слабые места, и уж конечно, старается подстраховаться. Конгломерат индивидуальностей, устремления которых направлены на Дом и Семью – ей не нужен! А нужны рабочие винтики-шестереночки, зацикленные на карьере и росте этой самой Производительности, которую он, кажется, уже долгие годы столь тщательно об-считывает, давая рекомендации... Да и оперировали ее, сделав... Бесплодной. Не в этом ли все дело – для *него*?!

Ладно, хватит дебильной, и всё равно ни к чему не ведущей философии. Нужно отключиться. Незачем портить девушке, которая старалась для него, настроение своей постной миной. Он тщательно растёр лицо ладонями перед тем, как позвонить...

Ух ты! Наталья даже сделала причёску! Интересно, где достала бигуди – пышные и кудряво вьющиеся волосы уложены во что-то воздушное и высокое. Красиво.

– Красиво выглядит! Долго возилась?

Наталья капризно надула губки:

– Фу! Какой ты, честное слово, прозаик! Какая разница, сколько я возилась? Тебе – нравится?

– Очень!

– Вот и отлично! Значит, главного я добилась!

– Точно. Впечатляет. А что у нас ещё нового?

– Ну... Плов – на ужин. Стриптиз – на десерт. Увеселения

– на ночь.

– Обширная программа. Вдохновляет. Начнём?

– А то!..

После почти бессонной ночи Михаил еле продрал глаза на будильник.

Чёрт возьми! Как плывёт голова! Он еле удержался, чтоб не треснуться о косяк ванной. Наталья же даже не смогла разлепить глаз:

– Миша... Прости, я не смогу сделать тосты... Поешь сам?

Ну разумеется, он поест сам. Миша... Хм. Так он о себе никогда не думал.

Только после второй чашки кофе он смог как-то реально ощущать окружающее пространство и обнаружил, что предметы вокруг имеют какой-то цвет, а вовсе не серые и бесформенные пятна...

На работе всё равно пришлось выпить ещё кофе.

Работа пошла, однако, хорошо. Вот что значит – сильная Идея! Очертания Проекта видны уже достаточно конкретно. Ну а частности – на то они и профессионалы.

А молодцы его ребята... Да и он... Ещё на что-то годится!

Вечером в подъезде не пахло. Странно. Неужели – опять?!..

Но – нет. Она оказалась дома.

Правда, обнаружил Наталью Михаил только в спальне. На всё ещё неприбранной постели. Она читала.

– Привет. Ты... Как?

– Нормально. – тон нарочито равнодушный. Глаза даже не смотрят в его сторону, хотя он видел – она не читает. Глаза не бегают по строчкам, а просто уставлены в страницу. Новый финт? Мы теперь играем в Недотрогу? Обиженную? Уставшую?

Посмотрев с полминуты на так и не сказавшую больше ничего партнёршу, Михаил просто прошёл на кухню и кинул в микроволновку давешний шашлык – уж он-то мог жевать. «Закидоны» и непредсказуемости этой Кудиновой Д-5 уже слегка приелись.

Чего она в конце-концов, добивается? Чтобы он её полюбил? Чтоб сказал, что она – единственная, и он мечтает провести остаток жизни с ней, в этом уютном и хлопотливо обустроенном её нежной заботливой ручкой, гнёздышке?! И кушать приготовленные ей блюда? Не говоря уж о том, что по ночам...

Какая чушь.

А тогда – чего? Чего ей от него надо?!

Чтоб отвёз её «домой» до истечения Контракта? Или... Просто – сегодня не трогал в плане «увеселений»?

Да и чёрт с ней – не собирается он её «трогать»! Особенно после вчерашнего... Сказать по-правде, она уже всё честно отработала.

Шашлык однако в горло не лез. Хоть он и запретил себе думать.

Но он всё равно – доел, и посуду сунул в машину.

После еды включил телевизор, нашёл красоты природы. Нет. Ну их, эти красоты... Переключил на футбол. Чтоб насладиться, даже лёг поудобней.

Проснулся в первом часу. Тишина. Телевизор, настроенный не выключаться при отсутствии глаз, обращённых на экран, просто уменьшил звук.

Михаил встал, сквозь приоткрытую дверь заглянул в спальню. Наталья спала, отвернувшись к стене. Или делала вид. Да и ... с ней. Он пошёл мыться.

В ванной тщательно смыл с себя дневной пот и нервное напряжение – оно всегда уходит, словно смывается струями тёплой ласковой воды. Впрочем, струи – равнодушны. Дело, как обычно – в самонастрое. Или в каком-то древнем рефлексе, где запечатлено веками эволюции, что вода помогает расслабиться.

В кровать он забрался в час ровно. Лёг, накрылся. Звука дыхания Натальи не слышать. Может, и не спит. Да и ладно. Он первый не заговорит. Достали её непредсказуемые смены настроения и выверты. Михаил отвернулся к своей стене. Вздохнул. Постарался расслабиться.

Зря, что ли, проходил сеансы «психотренинга». Последние цифры на светящемся циферблате, которые запомнил – ноль один сорок четыре...

Утром его растолкали до будильника. Причём – толкали сильно.

– Что?! – он привскочил, не понимая.

– Что-что звонит, говорю!.. Там, в кухне! – а ведь точно, звонит!

Он, как был, в одних трусах, кинулся в кухню... Тьфу ты!..

Счётчик холодной воды показывает, что исчерпан лимит оплаты. Ладно, сегодня он деньги переведёт. Он выключил зуммер.

Вернулся в спальню за одеждой.

Наталья успела снова отвернуться к стене. Ах, вот так мы сегодня? Ну и ладно.

Одевшись, он отправился завтракать.

Пока кушал, невольно водил ладонью по подбородку: похоже, щетина опять начала пробиваться. Пора мазать кремом от бритья. А ненадолго же его хватает – хоть в Гарантии и указано что «от двух месяцев»... Вкуса еды он почему-то не ощущал.

На работе пришлось поднапрячься: не всё выходило так гладко, как он надеялся. Однако с помощью зама и ещё двух программистов-ветеранов удалось всё привести в норму – цифры стабилизировались. Ну вот: в пятницу точно можно будет сдавать!

Дома ничего не изменилось: Наталья так и читала лёжа на

кровати, стопка книг на полке уменьшилась, возле кровати – выросла. Он придержал свои замечания при себе, прошёл на кухню – благо, догадался зайти в гипермаркет, прикупить полуфабрикатов.

Пока рассовывал их по полкам и отсекам, услышал сзади шаги. Но не обернулся.

– Ты не хочешь узнать, почему я так себя веду?

Подумав, но всё так же не оборачиваясь, он ответил нарочито спокойно:

– Нет.

Она фыркнула, и он услышал, как стук босых пяток удалился снова в спальню, и скрипнула кровать. Какое счастье, что пятница – уже завтра. Можно будет снова наслаждаться тишиной и покоем! И не ломать голову в тщетных попытках выяснить, что же он сделал не так... Он-то уверен – ничего он не так не делал.

Поев, и посмотрев биржевые новости, он помылся. Спать решил лечь пораньше – устал на работе. Вот только удастся ли заснуть.

Когда зашёл, обнаружил, что Наталья не спит. Смотрит на него так, словно чего-то ждёт. Наверное, вопроса о... Ладно: раз она хочет – он спросит.

– Как у нас сегодня с увеселениями? – тон снова спокойный.

Она откинула одеяло. Хм. Абсолютно обнажена. Однако этим «шоу» не ограничилось: девушка раздвинула ноги как

можно шире, руки закинула за голову:

– Вперёд, уважаемый пользователь! Подстилка Наташа к вашим услугам.

Посмотрев с полминуты на гневно сжатые губы и вызывающе пошлую позу, он молча вышел. Хорошо, в шкафу у него хранилось запасное одеяло. Хоть и без простыни, но на диване в гостиной он устроился вполне комфортно.

Наталья не появилась. Хоть он подсознательно этого и ждал. Ждал, чтоб его гнобительница появилась, и стала... Да – просить простить её, глупую, непоследовательную и непостоянную куклу, и заняться с ней тем, чем всегда, не жалея, и наказывать так, чтобы...

Никто не пришёл.

Встал Михаил по будильнику. Он чувствовал, что не выспался. Но смог собраться, и вести себя по-деловому.

Сдача Проекта после обеда прошла на «ура».

Шеф даже позволил себе приподнять уголки губ выше обычного:

– Михаил Геннадьевич. Господа. Я доволен рвением и компетентностью вашего коллектива. Надеюсь, в дальнейшем на столь же плодотворную работу. Не побоюсь ещё раз подчеркнуть: вы сказали новое слово в Статистике! Теперь расчёты станут и быстрее и проще. И вот ещё что...

Разрешаю вам, Михаил Геннадьевич, и сегодня в целях, так сказать, поощрения... Отпустить всех домой на час рань-

ше. Этот метод, похоже, себя вполне... Ещё раз благодарю. – шеф кивнул, все поспешили ретироваться из кабинета.

У себя Михаил пожал каждому руку, поблагодарил за то же, что и шеф – за компетентность и профессионализм, (молодёжь – за рвение) и отпустил с Богом по домам.

Не забыв потребовав закрыть все файлы, и всё выключить.

Сам же – задержался. Кое-какие мысли не давали ему покоя.

Однако всё равно пришлось дожидаться, пока все коллеги разойдутся по домам, делая вид, что чем-то страшно важным занят...

Мысли нашли конкретные подтверждения: профессиональный хакер из отдела внешней разведки, которого Михаил вызвал по интеркому, легко отследил три попытки «несанкционированного доступа» с компов других секций.

Ага. Значит, интересуются новой разработанной им методикой! А поскольку преодолеть Защиту пока так и не удалось (Ещё бы! Тут нужно нанимать профессионалов – а это как всегда стоит недёшево! Денег же жалко: каждый достаточно долго работающий на компе мнит себя чуть не всемогущим Асом!), он заказал, и проследил, как устанавливается новая Программа Активной Защиты.

Теперь при попытке посторонних войти в компы его секции, автоматически переписывается все инфа с компа то-

го, кто пытается их «хакнуть». После чего стирается в оригинальном носителе, и матрица памяти блокируется. (Его старинный деловой партнёр, заведующий отделом разведки, Ланс Хольгерсон предложил ему, чтобы инфа просто стиралась, а кристалл-носитель уничтожался высоковольтным разрядом, но Михаил проявил «гуманность» – незачем портить хорошее оборудование! Пусть лучше обидчики раскошелятся на разблокирование! Так и Отделу самого Ланса выгоднее!)

С этим Ланс согласился, сдержанно поухмылявшись. После чего они распили, посидев и просто поговорив, пару часов прямо в офисе, бутылочку «Савой» с бутылочкой «Скотча». Михаил не сомневался: Петрович, конечно, отметит нарушение, но завтра, за ещё двадцатку, сотрёт из памяти Центрального, и из серверов...

Домой приехал в десятом часу.

Отсутствию приятных запахов на кухне и Натальи в гостиной уже не удивился. Да пошла б она!.. Честное слово: отправься она в очередной поход – и не подумал бы «бегать» за ней! Она, однако, мирно лежала всё там же, даже не пытаясь делать вид, что читает или спит – просто пялилась в потолок.

Он помылся – есть после выпивки не хотелось! – и снова лёг перед телевизором.

Она зашла через час – как раз после очередного забитого

кем-то (он даже не запомнил – кем) гола. Встала над ним – руки в боки:

– Ну и чем ты лучше остального быдла?! Только бы ...ть девушку, а там – хоть гори она огнём! На...рть тебе на то, что я тоже – живой человек, что-то чувствую, переживаю! И за тебя переживаю в том числе!

Он подумал было спросить, как именно она за него переживает – но передумал.

Похоже, для развития скандала она только этого и ждёт: его реплики. Причём – любой! Мать (Вот уж на что – почти святая женщина, а здесь с собой ничего поделаться не могла!) вела себя во время их редких ссор именно так...

Наталья перевела дух:

– Не хочешь говорить?! Ах, скажите пожалуйста – «мы выше всего этого»! Ну и не надо! Сама всё скажу – пиши потом мне замечания, рекламации, претензии – плевать! Я-то думала – вот, человек попался! Понимающий, добрый... Какой ты добрый – ты расчётливая сволочь, пользующаяся тем, что у тебя куча бабла, и... – её понесло.

Минут десять Михаил слушал гадкие обвинения, и жестокие слова, еле сдерживаясь, чтобы не вспылить, и не заорать хоть что-нибудь в ответ.

Но он отлично понимал – она только этого и хочет, этого и ждёт. Провоцирует его специально – чтобы, возможно, он её даже ударил в пылу ссоры. А может, ей нужен синяк под глазом – чтоб с него слупили ещё и неустойку за «порчу то-

варного вида» и «жестокое обращение»)?

Верно она сказала только одно: он расчётливый, до тошноты трезвый и прагматичный гад. С холодной головой и маленькой г...вкой!

Ну и ладно. Он как-нибудь переживёт. Да и не на одной Наталье свет клином сошёлся: даже в Этернотеке их района ещё как минимум двадцать тысяч... Доступных женщин!

Наталья, взвинтив себя, и перейдя почти на визг, вдруг зарычала – полезла на него с кулачками!

Пришлось закрыть голову руками и отвернуть лицо к стенке: синяки уже ему – точно не нужны! Потеря престижа! Как это так – его «побила» наёмная ш...!

Наталья, поняв, что сдачи не дожидаться, в сердцах плюнула ему в затылок: он ощутил слюну, проникшую сквозь короткую «деловую» стрижку.

Это прожгло его до печёнок: словно волна кипятка затопила сердце и всю грудь!

Однако, хоть и из последних сил, он сдержался. Промолчал. Только думал, думал.

Думал он и потом, когда она, несильно, но злобно пнув его ногой в тощую мускулистую ягодицу, отчалила в спальню, рыдая и поливая его площадной бранью:

– Трусливая тварь! Даже не может сдачи дать! ...рас поганый! Лизоблюд при «Большом Боссе»! Вот пусть он тебя и ...!

Её рыдания стихли только часа в два. Михаил и не поду-

мал пойти «утешать» традиционным способом. Только пытался постичь – чего она добивается?

Чтоб во второй раз уж точно не взял?! Хм-м... А, пожалуй, она этого добилась. Вот только не треснула бы ночью чем-нибудь тяжёлым по башке со злости – с неё станется!

Так что он развернулся от спинки дивана – лицом в двери спальни. Чтоб не пропустить... Впрочем, в глубине души он и сам в такое не верил.

Но спал урывками, беспокойно. Всё-таки в постели было бы удобней.

Но – нет! Принцип! Да и провоцировать девушку не стоило...

Утром субботы Наталью даже не пришлось будить.

Когда он, почистив зубы и умывшись, зашёл в спальню, она сидела на заправленной кровати, готовая и одетая. Он кивнул:

– Доброе утро. Идём завтракать.

– Доброе утро. Я... Не голодна.

– Как хочешь. Но в Контракте оговорено, что я должен сдать тебя сытой.

– Н-ну... Хорошо. Я поем.

Ела она, как и он сам, чисто механически. Если бы Михаила спросили, после того, как он убрал со стола, что именно он только что жевал, вряд ли он бы вспомнил...

Уже в прихожей, достав из полки пакет, он протянул ей:

– Возьми свои кроссовки. Вдруг... – он подумал, что это может прозвучать как оскорбительный намёк, но всё же закончил, – Пригодятся.

Она не стала возражать, и взяла обувь, сунув себе в сумку.

В машине не разговаривали, хоть и сидела она теперь на переднем сиденьи, рядом с ним. Да, всё верно, думал он, пылясь в набегающую ленту автобана: вот так и со всеми загадочными существами по имени Женщины: рядом, но – не вместе.

«Сдача» происходила в соседнем с ангаром выдачи. Корпус «Зэт». Там оказалась простая дверь, без пластиковых полос и гигантских ворот.

Уныло-равнодушный клерк неопределённого возраста задавал вначале ему, а затем и ей стандартные вопросы, которые даже не трудился читать – похоже, помнил и так:

– Уважаемый Михаил Геннадьевич, признаёте ли вы часть контракта, которую брала на себя обязательства выполнить Компания «Дусеев, Забытов и Ко» соблюдённой? Нет ли у вас нареканий в отношении предоставленного вам в пользование экземпляра? Нет ли каких-либо замечаний, могущих улучшить качество наших услуг?... – он отвечал короткими репликами: только «Да», «Нет».

– Наталия Кудинова, соблюдал ли Пользователь оговорённые в Контракте условия? Производилось ли ваше питание в соответствии с... Не предлагалось ли вам оказать услуги, нарушающие общепринятые стандарты, и могущие повлечь

за собой травмы или...

Наталья отвечала так же, как он – коротко и односложно.

Затем Михаил расписался в том, что считает себя полностью удовлетворённым.

Подписи Натальи не потребовалось.

Клерк нажал кнопку под столом, вошёл секьюрити.

– Будьте добры, доставьте нашу подопечную Наталью Кудинову, код Эн-аш пять, категория Д-5, номер 365196/93 в помещение её постоянного размещения. Благодарю.

Когда Наталью, так и не взглянувшую ни разу за всё это время ему в глаза, увели, Михаил почувствовал себя словно...

Свободней. Уверенней.

Расправил почему-то поникшие плечи. Встал:

– Благодарю за сервис. До свиданья.

Клерк тоже поднялся. Вежливо протянул узкую и какую-то аморфную ладонь (Вот уж этот явно никогда ни в какую секцию дзю-до записан не был!):

– Благодарю и вас, Михаил Геннадьевич. Надеюсь, вы удовлетворены. Наша Корпорация всегда готова оказывать клиентам все возможные услуги в соответствии с нашим прейскурантом и спецификой. Надеемся на дальнейшее сотрудничество.

У Михаила дёрнулась щека. Ещё никогда так остро он не ощущал себя – наглым и зажавшимся Потребителем. А Наталью – со всеми её «закидонами», «трудным детством»,

и отчаянием от бессилья что-то изменить – Товаром. Он невольно нахмурился.

От клерка не укрылась его озабоченность:

– Желаете сделать какие-либо замечания? Что-то было не... Совсем так?

– Да нет. Всё – так.

– Тогда – что же?..

– Ну... – он помялся, но сказал совсем не то, что хотелось бы.

– Я бы тоже отметил... Любит готовить. Готовит хорошо. Пожалуй, это... Всё.

– Что ж. В таком случае, благодарю ещё раз. Надеюсь вскоре снова увидеть вас в нашей Этернотеке.

– Спасибо. Всё было замечательно. – он растянул губы в улыбке: совсем как Шеф, – До новых встреч.

Домой ехал не торопясь. Включил в салоне музыку – нашёл флэшку с классикой. Бах. Да, наверное, подходит лучше всего...

Считал ли он себя удовлетворённым? Нормально ли подействовал на его «психику» «курс адаптационного секса»?

И да, и нет.

В плане работы – да. «Эффективность» явно... Повисилась.

В плане собственно секса – всё прошло чудесно, лучше и быть не может. Нескоро он достанет из шкафа дуру-Викто-

рию «СПБ – 27».

А вот остальное...

Ну, сводил девушку в Зоопарк, ну показал чудеса Диснейленда. Ну, насладился «домашней» готовкой. (Бонус, так сказать, от фирмы!) И – что дальше?

Главный вопрос: хотел бы он, чтоб вот такая Наталья ждала его дома каждый вечер?

Готовила ему, присматривала за роботами-уборщиками? Развлекала разговорами? Может, слушала, что он расскажет о своей работе, интригах, сволочных коллегах? Кивала головой, сочувствовала? Нужно ли ему такое сочувствие?

А ночью – секс?

И неизбежные для женской психики «освежающие отношения» скандалы? Раз в пару недель. Какие молодцы те, кто берёт «девиц» только на ночь-две...

Трезво оценивать сейчас, спустя всего час, как он «сдал» её в... в... Место хранения, хотел ли он снова, спустя какое-то время, взять «попользоваться» именно её...

Не удавалось.

А как насчёт – кого-то другого? Ведь «категорий» – полно. На выбор.

Валькирию?.. Святую Агнессу? С прилагающейся плетью...

Не-ет, хватит. Пока он хотя бы не разберется в себе самом.

Выруливая к стоянке у дома, он ощущал... Как где-то глубоко в душе грызёт крохотный червячок, вопящий: «что-то

не так!!!»

Однако сильнее всего в данный момент времени было одно Чувство: Облегчение.

Он – один! И он – сам себе хозяин!

И не обязан сносить ничьи капризы или скандалы... Хотя скандалов, собственно, с битьём посуды и матом, и не было. То, что случилось вчера вечером – просто... Просто – моральная разрядка, нервный срыв женщины, которую... Использовали.

Он почти не сердился – ей это было необходимо, он чувствовал.

Недаром же его воспитывала Мать...

Одного только он простить не мог – плевка.

Впрочем, осталось ещё моральное напряжение – от её поведения в последние два дня. Даже «игра в молчанку и игнор» – не сахар.

Хватит! – приказал он себе. Теперь – никаких двух недель! Лёгкий, оздоровительный секс, как у всех: в субботу вечером взял – в воскресенье утром вернул! А он-то удивлялся – почему все старожилы так и поступают, и километровая стоянка перед огромным Домом забита после обеда в субботу так, что яблоку негде упасть...

Вот, значит, в чём дело.

Все, как и он, обжёгшиеся на уроке «двухнедельного курса» – не хотят повторять подобного рода прецедентов. Предпочитают не забивать голову лишней докукой – чтоб не ме-

шала потом Работе. Не отвлекала мысли. Не грызла крысой душу...

Чёрт. Похоже, Система-то... Права. Права – по большому счету!

«Семейные проблемы» сильно вредят производительности труда.

Значит, и хорошо, что её отменили.

Семью.

Только...

Почему он все время грызёт губы?